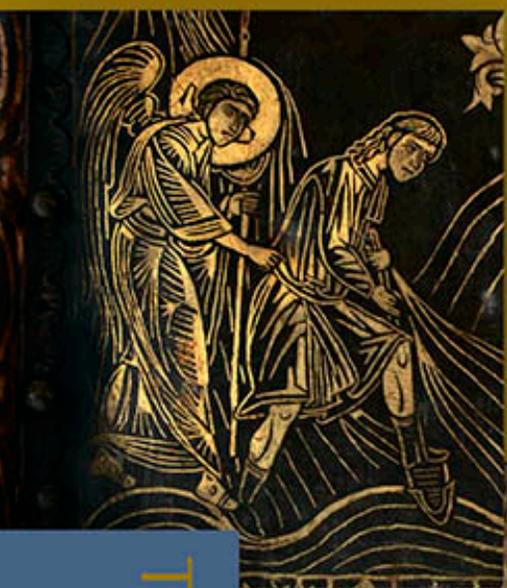

АРХЕОЛОГИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

ТОМ I

К 1000-ЛЕТИЮ СУЗДАЛЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

ARCHAEOLOGY OF THE SUZDAL' COUNTRY

IN TWO VOLUMES

VOLUME 1 SETTLEMENT STRUCTURE AND CULTURAL LANDSCAPE

Chief Editor
Nikolay Makarov

Moscow Vologda
“Drevnosti Severa”
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

РАССЕЛЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Ответственный редактор
Н. А. Макаров

Москва Вологда
«Древности Севера»
2023

УДК 902(47)
ББК 63.4(2)
А87

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН.

Исследования по отдельным направлениям и проблемам археологии Суздальской земли проводились при поддержке:

Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-31-00304а2 «Ранний этап древнерусской колонизации Суздальского Опожья. Шекшовский микрорегион»;

Российского фонда фундаментальных исследований, проекты № 04-06-80292а «Средневековый культурный ландшафт Суздальского Опожья (2004–2006)», № 08-06-00134а «Средневековое расселение в центре Суздальской земли по данным археологии и геофизических исследований», № 11-06-00339а «Средневековые сельские поселения в округе Владимира: археологические и естественно-научные методы изучения», № 14-06-00425а, «Феномен „больших поселений“ IX–XI вв. в центральных районах Северо-Восточной Руси»;

DFG Project «Suzdal und Mohovoe/Wiskiauten Prospektion und Erforschung frühmittelalterlicher Siedlungskammern im Kaliningrader Gebiet und in Westrußland».

Составитель *Н. Д. Угулава*.

Авторы первого тома:

А. С. Алешинская, М. Д. Кочанова, Е. Ю. Лебедева, Н. А. Макаров, Е. А. Спиридонова, А. Н. Федорина, С. В. Шполянский, Л. В. Яворская.

Рецензенты: член-корреспондент РАН *Л. А. Беляев*, д. и. н. *А. Е. Леонтьев*.

Обработка иллюстраций – *А. В. Любавина*.

Перевод на английский язык резюме и содержания – *Н. И. Храпунов*.

Составители карт: *А. А. Карпухин, А. А. Медведев, А. Л. Смирнов*.

Авторы фотографий:

В. В. Кошечев, А. М. Красникова, М. Ю. Люляев, Н. А. Макаров, А. С. Морозов, С. В. Ольховский, С. А. Потапов, А. Л. Серебряков, Н. Д. Угулава, А. Н. Федорина, С. В. Шполянский.

На обложке: Суздальское Ополье. Вид с селища Вишенки 3 на село Менчаково.

Архангел Михаил обучает Адама земледелию. Фрагмент изображения на южных золоченых вратах собора Рождества Богородицы в Суздале. Начало XIII в.

А87 Археология Суздальской земли = Archaeology of the Suzdal' Country: в 2 томах / Российская академия наук, Институт археологии; ответственный редактор Н. А. Макаров, составитель Н. Д. Угулава. – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2023. – ISBN 978-5-93061-208-0

Т. 1: Расселение и культурный ландшафт. – 2023. – 287 с. : ил. – ISBN 978-5-93061-209-7

В первом томе излагаются результаты исследования средневекового расселения и культурного ландшафта в Суздальском Ополье, на территории «малой» Суздальской земли, исторического ядра Северо-Восточной Руси. Представлена современная научная картина становления и развития сети сельского расселения на этой территории в конце I – первой половине II тысячелетия н. э. и формирования аграрных ландшафтов. Исследование основывается на новых археологических данных, в том числе на материалах около 400 средневековых селищ, обследованных в 2001–2019 гг. в Суздальском Ополье, а также на данных палинологических исследований и анализа археоботанических и археозоологических материалов, характеризующих облик природной среды, трансформации ландшафтов и жизнеобеспечение средневекового населения. Новые исследования открывают «малую» Суздальскую землю как плотную сеть поселений, выделяющихся своими размерами, устойчивостью, преемственностью в развитии с конца I тысячелетия и до Нового времени, интенсивностью и разнообразием хозяйственных занятий, высоким благосостоянием. Период ее максимального роста – XII – первая половина XIII в. Политическое возвышение Северо-Восточной Руси во многом связано с формированием этого демографического ядра.

Издание предназначено для историков, археологов и всех, кто интересуется историей Руси.

УДК 902(47)
ББК 63.4(2)

ISBN 978-5-93061-209-7 (т. 1)
ISBN 978-5-93061-208-0
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-93061-209-7

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2023
© Оформление. ООО «Древности Севера», 2023

*Суздальское Ополье.
На переднем плане – селище Подолец,
на заднем – село Подолец
с церковью Рождества Богородицы*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

20 лет археологических исследований в Суздальском Ополье (<i>Н. А. Макаров</i>)	11
Исследователи и идеи (<i>Н. А. Макаров</i>)	26

РАССЕЛЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Общий характер расселения и динамика освоения территории (<i>Н. А. Макаров, С. В. Шполянский, А. Н. Федорина</i>)	41
Исторические села как археологические памятники и структурные элементы средневекового расселения (<i>Н. А. Макаров, А. Н. Федорина, С. В. Шполянский</i>)	69
Внутренняя структура сельских поселений по данным археологии и геофизики (<i>А. Н. Федорина</i>)	121
Становление культурного ландшафта по данным палинологии (<i>А. С. Алешинская, М. Д. Кочанова, Е. А. Спиридонова</i>)	155
Археоботанические материалы о производстве и потреблении аграрной продукции (<i>Е. Ю. Лебедева</i>)	192
Археозоологические материалы как индикатор хозяйственных процессов в XI–XIV вв. (<i>Л. В. Яворская</i>)	212
Приложение 1. Средневековые поселения и местонахождения Суздальского Ополья (составители: <i>Н. А. Макаров, А. Н. Федорина, С. В. Шполянский, М. П. Милованова</i>)	226
Приложение 2. Радиоуглеродные даты образцов из раскопок средневековых поселений Суздальского Ополья и естественных разрезов (составитель <i>А. Н. Федорина</i>)	260
Архивные источники	267
Литература	273
Список сокращений	281
Summary of Volume 1. Settlement Structure and Cultural Landscape	282

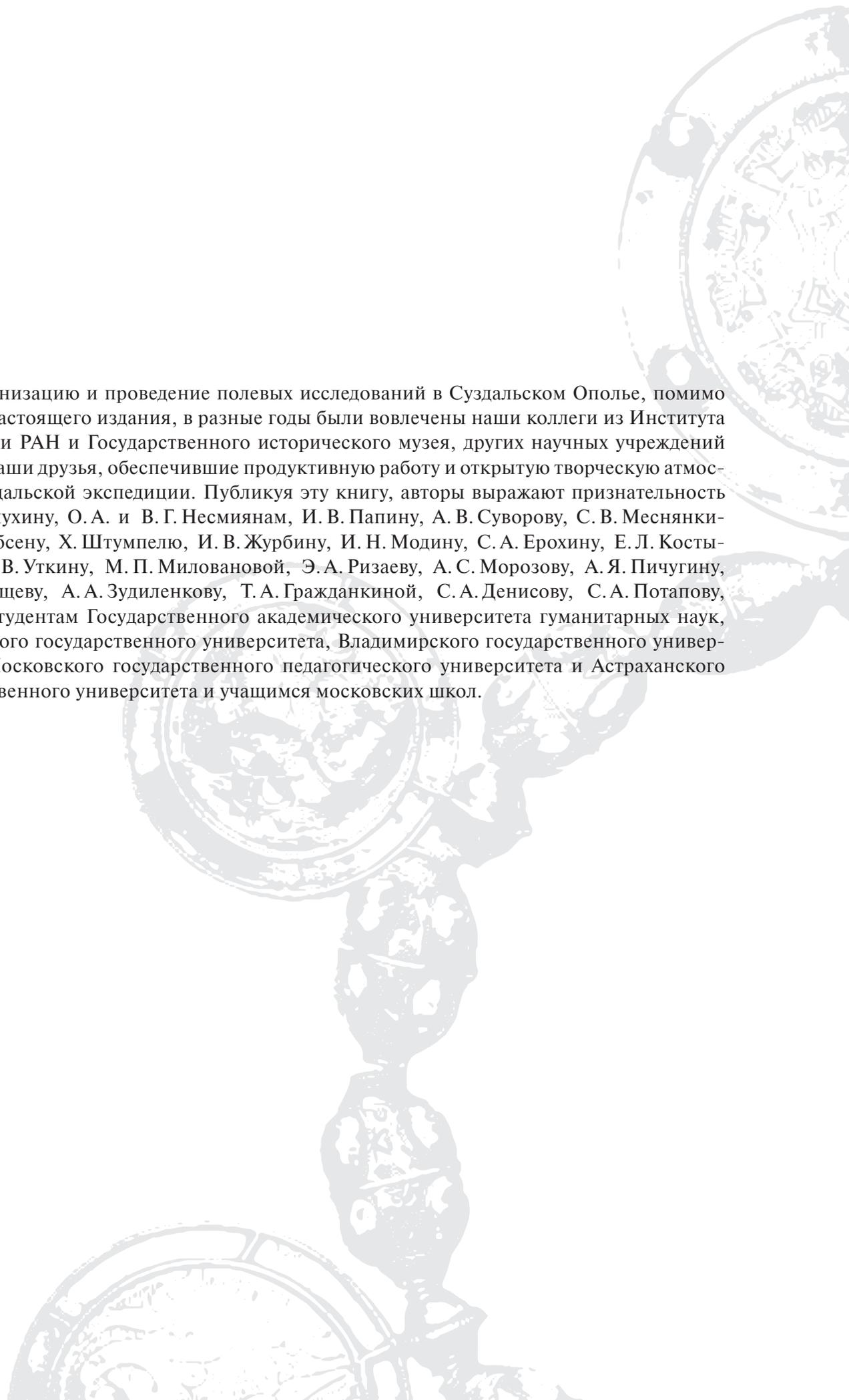
CONTENTS

INTRODUCTION

20 Years of Archaeological Researches in the Suzdal' Opol'e (<i>N. A. Makarov</i>)	11
Researchers and Ideas (<i>N. A. Makarov</i>)	26

SETTLEMENT STRUCTURE AND CULTURAL LANDSCAPE

The General Features of Settlement Structure and the Settlement Dynamics (<i>N. A. Makarov, S. V. Shpolyanskiy, A. N. Fedorina</i>)	41
Historic Villages as Archaeological Sites and Elements of the Mediaeval Settlement Structure (<i>N. A. Makarov, A. N. Fedorina, S. V. Shpolyanskiy</i>)	69
The Structure of the Settlements according to Archaeology and Geophysics (<i>A. N. Fedorina</i>)	121
Cultural Landscape Development according to Pollen Analysis (<i>A. S. Aleshinskaya, M. D. Kochanova, E. A. Spiridonova</i>)	155
Archaeobotanical Data on the Production and Consumption of Agricultural Products (<i>E. Yu. Lebedeva</i>)	192
Archaeozoological Data as Markers of Economical Processes from the 11 th to 14 th Century (<i>L. V. Yavorskaya</i>)	212
Appendix 1. The Suzdal' Opol'e. Mediaeval Dwelling-sites and sites with Mediaeval Pottery Findspots (<i>Compiled by N. A. Makarov, A. N. Fedorina, S. V. Shpolyanskiy, M. P. Milovanova</i>)	226
Appendix 2. The Suzdal' Opol'e. C-14 dates of the Samples from Mediaeval Dwelling-sites and Natural Profiles (<i>Compiled by A. N. Fedorina</i>)	260
Archival Sources	267
Bibliography	273
Abbreviations	281
Summary of Volume 1. Settlement Structure and Cultural Landscape	282

В организацию и проведение полевых исследований в Суздальском Ополе, помимо авторов настоящего издания, в разные годы были вовлечены наши коллеги из Института археологии РАН и Государственного исторического музея, других научных учреждений и вузов, наши друзья, обеспечившие продуктивную работу и открытую творческую атмосферу Суздальской экспедиции. Публикуя эту книгу, авторы выражают признательность А. А. Карпухину, О. А. и В. Г. Несмиянам, И. В. Папину, А. В. Суворову, С. В. Меснянкиной, Т. Ибсену, Х. Штумпелю, И. В. Журбину, И. Н. Модину, С. А. Ерохину, Е. Л. Костылевой, А. В. Уткину, М. П. Миловановой, Э. А. Ризаеву, А. С. Морозову, А. Я. Пичугину, М. М. Хрущеву, А. А. Зудиленкову, Т. А. Гражданкиной, С. А. Денисову, С. А. Потапову, а также студентам Государственного академического университета гуманитарных наук, Ивановского государственного университета, Владимирского государственного университета, Московского государственного педагогического университета и Астраханского государственного университета и учащимся московских школ.

ВВЕДЕНИЕ

*Суздальское Ополье.
На переднем плане селище Глебовское I
и село Глебовское с церковью Богоявления,
на заднем — Суздаль*

20 ЛЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

«Суздальская земля» или «Суздаль» — название, использовавшееся в XII—XIII вв. для общего именованья земель Северо-Восточной Руси, находившихся во владении потомков Юрия Владимировича Долгорукого (Насонов, 1951, с. 181). Впервые появившись в середине XII в. (1148 г.), оно оставалось в обиходе полтора столетия, после того как главным центром княжеской власти на Северо-Востоке Руси стал Владимир, до начала XIV в., а в новгородских докончаниях сохранялось и в XV в. (Горский, 2015, с. 27–32; Коняевская, 2015). Это словоупотребление отражает значение Суздаля как центра властных отношений и места формирования особой областной идентичности, объединявшей Северо-Восточные земли. Очевидно, что, помимо Суздальской земли в широком смысле этого слова, в Средневековье существовало и более узкое территориально-административное образование — волость, тяготевшая к Суздалю, выдвинувшая его на арену общерусской истории и находившаяся под его непосредственным управлением. Можно полагать, что основу «малой» Суздальской земли составляли территории между Клязьмой, Нерлью и Колокшей — Суздальское Ополе с его плодородными почвами, однако источники не дают возможности определить ее границы для периода X—XII вв. Упоминание суздальцев, вместе с ростовцами и белозерцами, как одного из трех полков, собранных Мономахом для борьбы с Олегом Святославичем в 1096 г. (ПСРЛ, т. I, стб. 236), отражает территориально-административное устройство Северо-Восточных земель Руси и реальность существования Суздальской волости в конце XI в. (рис. 1). Суздальское княжество XIV в., примерные контуры которого реконструированы В. А. Кучкиным ретроспективным методом по документам XV—XVI вв. (Кучкин, 1984, с. 199–206), — территориально-политическое образование иного времени, заметно раздвинувшее свои границы на восток, за пределы опольских земель, но утратившее часть территорий, первоначально связанных с Суздалем.

Место Суздаля и археологических памятников его округа в общей археологической картине русского Средневековья двойственно. С одной стороны, Суздаль всегда притягивал археологов как исторический центр княжеской власти на Северо-Востоке, связанный с именем Юрия Долгорукого, как место зарождения особых политических амбиций правителей Северо-Восточной Руси и новых

культурных и художественных идей, как особое место памяти о «славном прошлом». Письменная история как бы сама подталкивала к поиску здесь неординарных материальных памятников древности. С другой стороны, полтора столетия исследований в Суздале и его округе не привели к открытию археологических жемчужин, сопоставимых по своему качеству с новгородскими усадьбами и берестяными грамотами, культурными напластованиями и сопками Старой Ладоги или кладами Старой Рязани. Яркие археологические материалы, происходящие из Суздаля и Суздальского Ополья, органично вписались в общий ряд домонгольских древностей Руси, но не прояснили своеобразие складывавшейся здесь культуры и общественных отношений, причины и обстоятельства исторического поворота XII в. в судьбе Северо-Восточной Руси.

Рассматривая социально-политическую историю Северо-Восточной Руси XII—XIII вв., А. Е. Пресняков отмечал «многозначительные особенности ее земского строя». «Суздальщину» «нельзя уже называть городской областью с определенным стольным городом во главе. Как Суздаль не уничтожил значение Ростова, так и Владимир не свел „старших городов“ до роли пригородов при стольном граде». Основу этой «эксцентричности» Суздальской области (в буквальном этимологическом значении слова — не имеющей определенного центра) А. Е. Пресняков связывал как с некоторыми чертами южного княжеского быта, при котором местопребыванием князя часто оказывались малые города и села, так и с особыми позициями «дружинно-боярских сил» в «старых» городах Северо-Востока (Пресняков, 2020, с. 38–39). Наблюдения историка об особом характере земского строя Суздальской земли, природа которого до конца не ясна, сделанные более 90 лет назад, до сих пор не получили археологического комментария.

В настоящем издании представлены основные результаты археологических исследований в Суздальском Ополье, на территории «малой» Суздальской земли, проведенных в 2001–2019 гг. экспедицией ИА РАН и ГИМ. Основная идея этих работ — изучение исторического ядра Северо-Восточной Руси как археологической территории, которая, как мы ожидали, должна была сохранить первоначальную сеть древнерусского расселения и архетип культуры Суздальской земли. Начатые в 2001 г. полевые работы были ориентированы на изучение средневекового

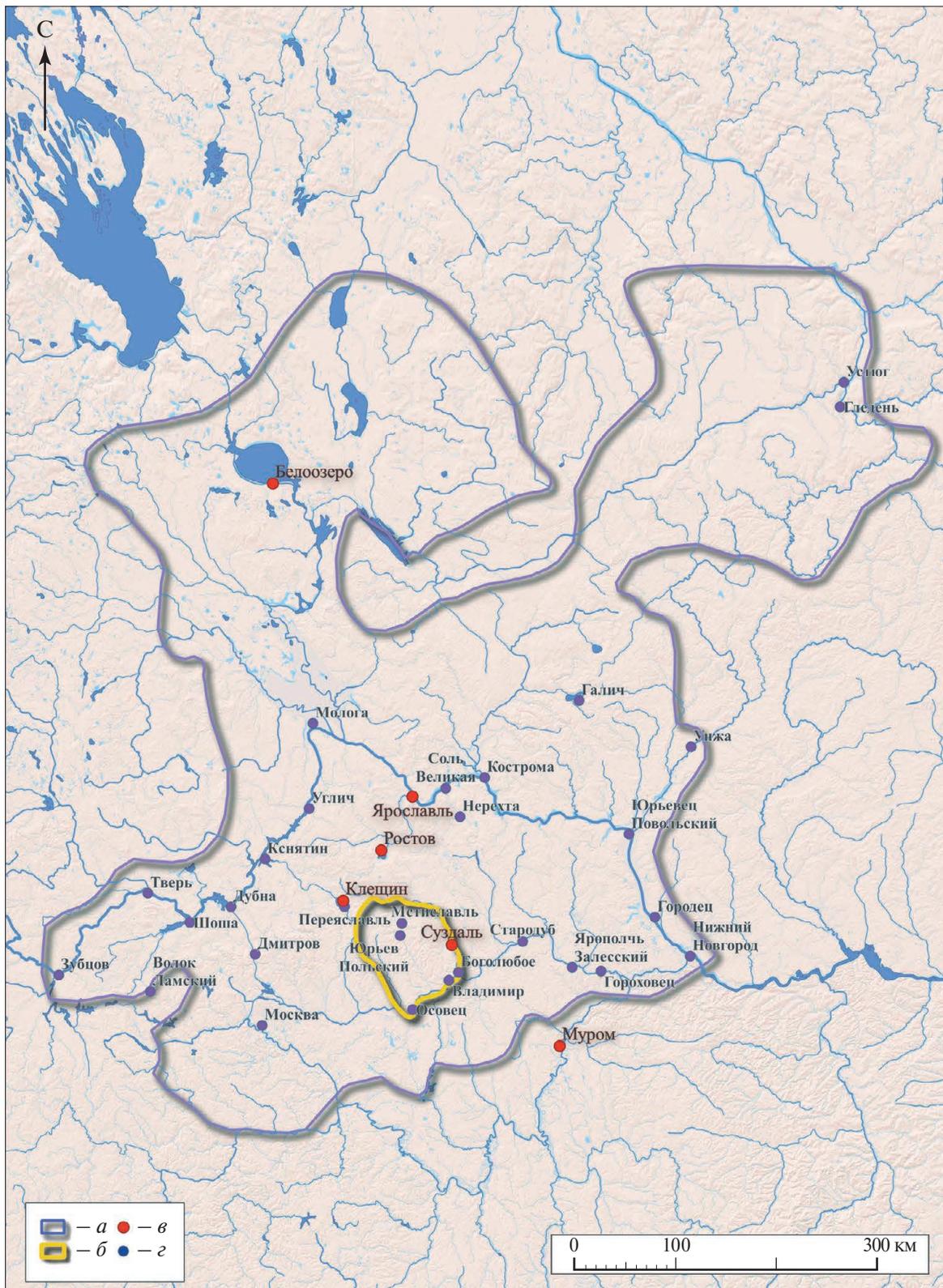

Рис. 1. Суздальская земля в XI–XIII вв.:

а – княжества Северо-Восточной Руси в 1230-х гг. (по В. А. Кучкину);

б – историческое ядро Суздальской земли XI в. («малая» Суздальская земля), реконструированное по археологическим данным; в – города, возникшие в X–XI вв.; г – города, возникшие в XII – первой трети XIII в.

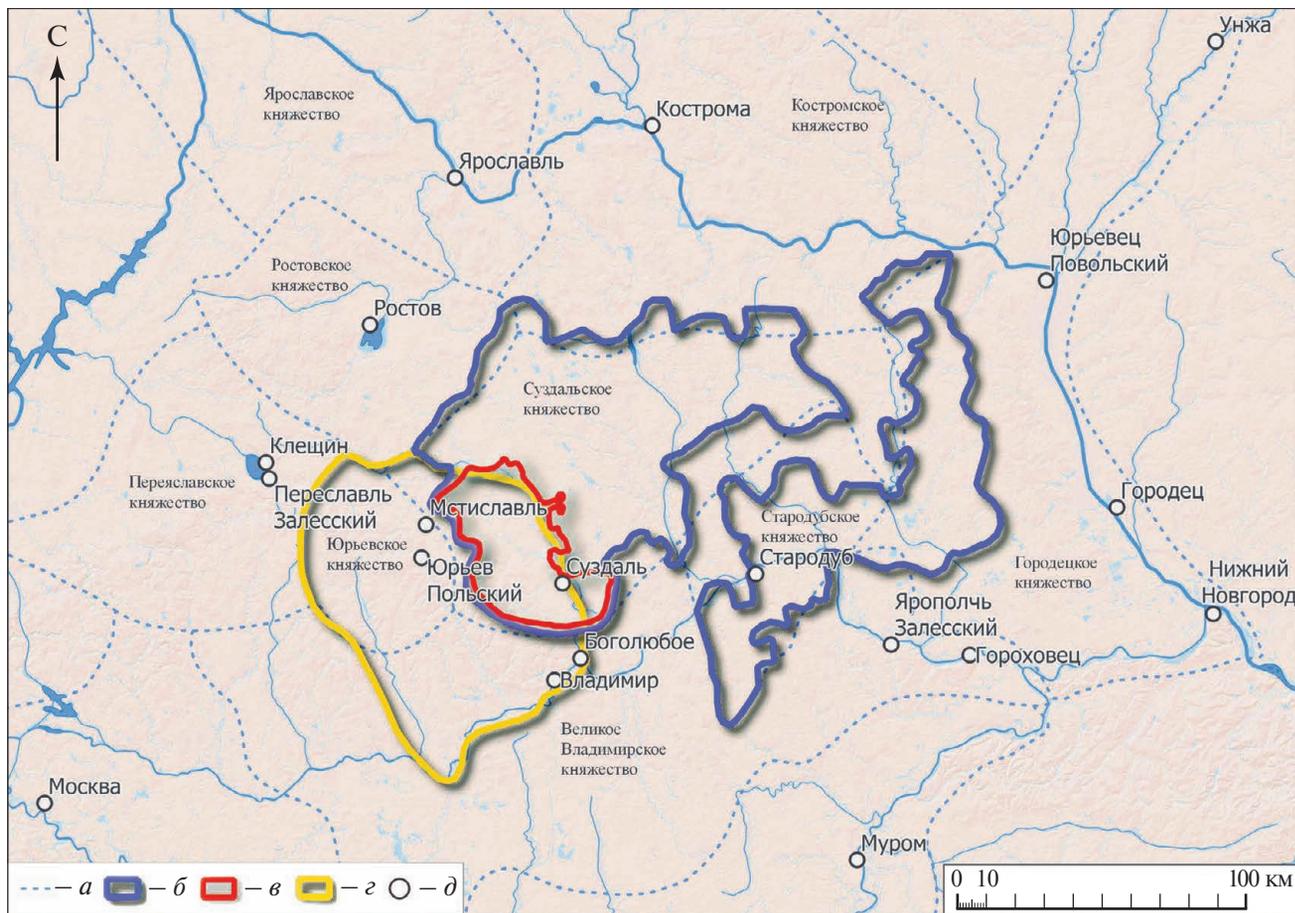

Рис. 2. Суздальская земля в исторической ретроспективе:

- а* – границы княжеств Северо-Восточной Руси 1270-х гг. (по В. А. Кучкину);
б – Суздальский уезд первой трети XVII в. по А. Л. Грязнову; *в* – Опольский стан Суздальского уезда первой трети XVII в. по А. Л. Грязнову; *г* – историческое ядро Суздальской земли XI в. («малая» Суздальская земля), реконструированное по археологическим данным; *д* – города XII–XIII вв.

расселения на основе возможно более полного выявления селищ в Суздальском Ополье и документирования их с использованием неинвазивных методов и современных технических средств. Первоначально они были нацелены на сплошное обследование компактных участков в ближайшей округе Суздаля (Макаров, Шполянский, Леонтьев, 2004), однако с течением времени распространились на значительную часть Ополья, включая северо-западные территории, тяготеющие к Юрьеву, и южную часть опольских земель, округу Владимира.

Суздальское (Владимирско-Юрьевское) Ополье – природный район на северо-востоке Смоленско-Московской возвышенности, выделяющийся особым характером ландшафта и особыми свойствами почвенного покрова. Это территория, вытянутая с юго-востока на северо-запад, от впадения р. Нерли в Клязьму до Берендеева болота вблизи Переславля-Залесского, почти на 110 км и представляющая собой

остров безлесных пространств с темноцветными и серыми лесными почвами в зоне смешанных лесов (Кичигин, Иванов, 1993, с. 7–21). Географический термин Ополье («Опольский стан»), указывающий на особые свойства ландшафта, известен в источниках с конца XV в. (АФЗ, 1951, ч. I, № 81; АСЭИ, т. 3, с. 121, № 90) и закреплён в административном членении Владимирского и Суздальского уездов, часть которых в XVII в. была выделена в Опольские станы (Водарский, 1977, с. 235, 244–245; Грязнов, 2014) (рис. 2). В пределах Ополья или на его пограничье находился ряд летописных городов – Суздаль, Владимир, Юрьев, Мстиславль, Боголюбое. Значение опольских ландшафтов как особой природной среды, благоприятной для земледельческого освоения, в которой процессы колонизации развивались наиболее интенсивно, неизменно подчеркивалось историками и археологами, обратившимися к изучению древнейшего периода истории

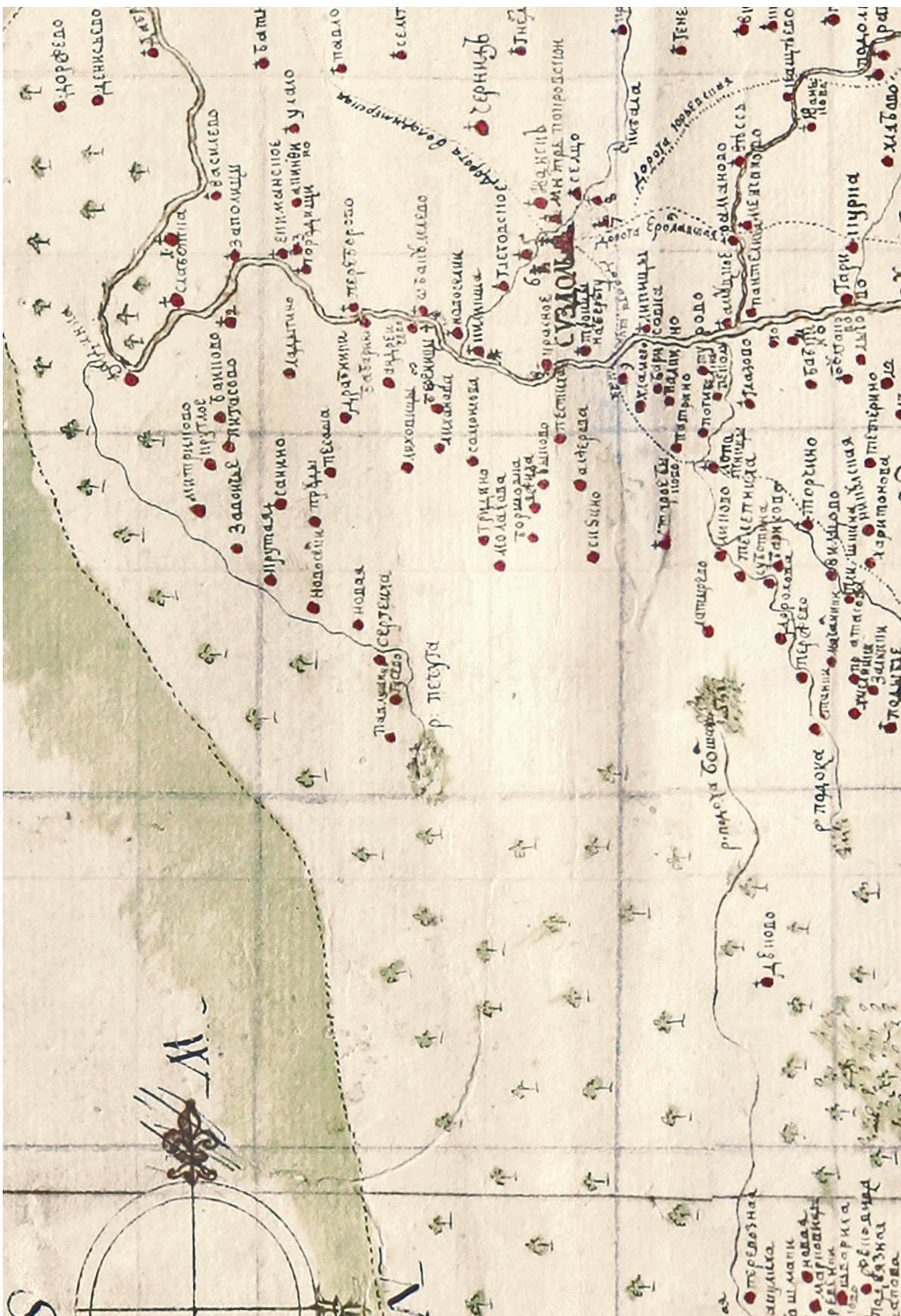

Рис. 3. Ландкарта Суздальского уезда 1755 г. Фрагмент.
(БАН. Собрание рукописных карт. Основная оп. № 528)

Ростово-Суздальской земли (Любавский, 1996, с. 107, 152; Воронин, 1961, с. 23; Горюнова, 1961; Седова, 1997, с. 4–5; Леонтьев, 1996, с. 193; Лапшин, 1985). «И доныне здешний край на протяжении от Юрьева почти до Владимира слывет под именем Опольщины... Суздальщина, по представлению летописи вообще, является как бы безлесной или малолесной страной, вследствие чего и называлась Залесьем, а главный ее город Владимиром-Залесским... Наиболее раннее и густое заселение этой именно области объясняется, по-видимому, тем, что она была наименее лесиста...» (Любавский, 1996, с. 107, 152). «Плодородная Опольщина заселялась славянами вглубь преимущественно в XI–XII вв.» (Насонов, 1951, с. 174). При этом ландшафт Ополья рассматривался, с одной стороны, как одна из предпосылок продуктивной земледельческой колонизации, с другой стороны, как результат многовековой аграрной деятельности (рис. 3).

Уже первый сезон наших разведок показал, что Ополье с его бескрайними распаханными полями, до недавнего времени мало затронутое современным строительством, — идеальная территория для полного выявления сети средневекового расселения и реконструкции его динамики. Открытый ландшафт, современное использование значительной части территории в качестве пахотных земель и высокая концентрация средневековых вещей в культурном слое создают оптимальные условия для определения границ поселений и сбора значительного количества подъемного материала, позволяющего сравнительно точно установить хронологические рамки заселения отдельных участков. После первых недель обследования стало очевидно, что Ополье выделяется не только спецификой почв и ландшафта, но и экстраординарной концентрацией средневековых поселений (рис. 4). Следы Средневековья здесь сегодня малозаметны в рельефе, но сам ландшафт представляет собой «продукт» средневековой колонизации. Остатки Средневековья, домонгольская керамика и печные камни, в изобилии лежат на поверхности под ногами археолога. Главная сложность, с которой сталкивается исследователь, ведущий разведки на этой территории, — не поиски на полях артефактов, в количестве достаточном для выявления и датирования селища, а необходимость обработки больших вещевых и керамических коллекций и топографическое документирование памятников, занимающих большие площади.

Необходимо отметить, что новая Суздальская экспедиция, приступившая к разведкам селищ в 2001 г., не была пионером в поиске и обследовании средневековых поселений в Ополье. Ко времени начала наших работ здесь уже было выявлено несколько десятков средневековых поселений, а на некоторых из них были проведены раскопки. Работа по выявлению суздальских селищ была начата в 1968 г. В. П. Глазовым, использовавшим как ориентиры для их поиска данные о местоположении курганных могильников, иссле-

дованных экспедицией А. С. Уварова в 1851–1852 гг. (Глазов, А-1968а; А-1968б). В. П. Глазовым были впервые открыты крупные средневековые селища на Нерли, Каменке и Ирмесе, образующие основные узлы древнерусского расселения в ближайшей округе Суздаля. В конце 1970-х — начале 1980-х гг. поиски и обследования селищ продолжил В. А. Лапшин, а в начале 1990-х гг. в связи с составлением археологической карты Владимирской области — А. Е. Леонтьев. В томе АКР «Владимирская область» содержатся данные о 40 средневековых селищах на территории Суздальского района (АКР, Владимирская обл., 1995, с. 239–282). В северной части Ополья, на территории современного Гаврилово-Посадского района Ивановской области, первые средневековые селища, в том числе выделяющееся по своим размерам поселение Шекшово 2, связанное с одной из крупных курганных групп, раскопки которой вел А. С. Уваров, были выявлены К. И. Комаровым в конце 1970-х — начале 1980-х гг. (АКР, Ивановская обл., 1993, с. 89–90). В рамках научной программы Суздальской археологической экспедиции ИА РАН и Владимирско-Суздальского музея-заповедника, работавшей под руководством М. В. Седовой, в 1977–1991 гг. были проведены раскопки на пяти селищах разного времени — от VII–VIII вв. до XIII–XV вв. — на поселениях Васильково, Гнездилово 2, Кибол 1, Вель 1 и Михаил 3 (Лапшин, Мухина, 1988, с. 132–149; Лапшин, 1989; АКР, Владимирская обл., 1995, с. 258–260). Раскопки селища Гнездилово 2 дали начальный материал для характеристики своеобразной культуры Суздальской земли X–XI вв. с присущим ей сочетанием древнерусского, «финно-угорского» и балтийского компонентов, присутствием следов архайческих традиций и культурных инноваций, связанных с раннегородскими центрами (Лапшин, 1989).

Тем не менее масштабы пробелов в археологических знаниях о Суздальской земле и необходимость документирования средневекового расселения на новой основе в новом столетии обозначились уже в первые недели полевых работ 2001 г. За двенадцать дней полевых работ в ближайшей округе Суздаля было открыто 11 ранее неизвестных поселений, площади некоторых из них исчислялись гектарами. Распаханный культурный слой оказался насыщен артефактами, ассортимент которых по своему разнообразию не уступал коллекциям из раскопок в средневековых городах. В то же время полевая документация о ранее выявленных поселениях, составленная в 1960–1980-х гг., часто не позволяла локализовать их на местности, прояснить их размеры и датировку.

Главным содержанием полевых работ новой Суздальской экспедиции в 2001–2011 гг. стало сплошное обследование центральной части Суздальского Ополья с возможно более полным выявлением всех археологических памятников, сбором больших коллекций керамического материала и средневековых

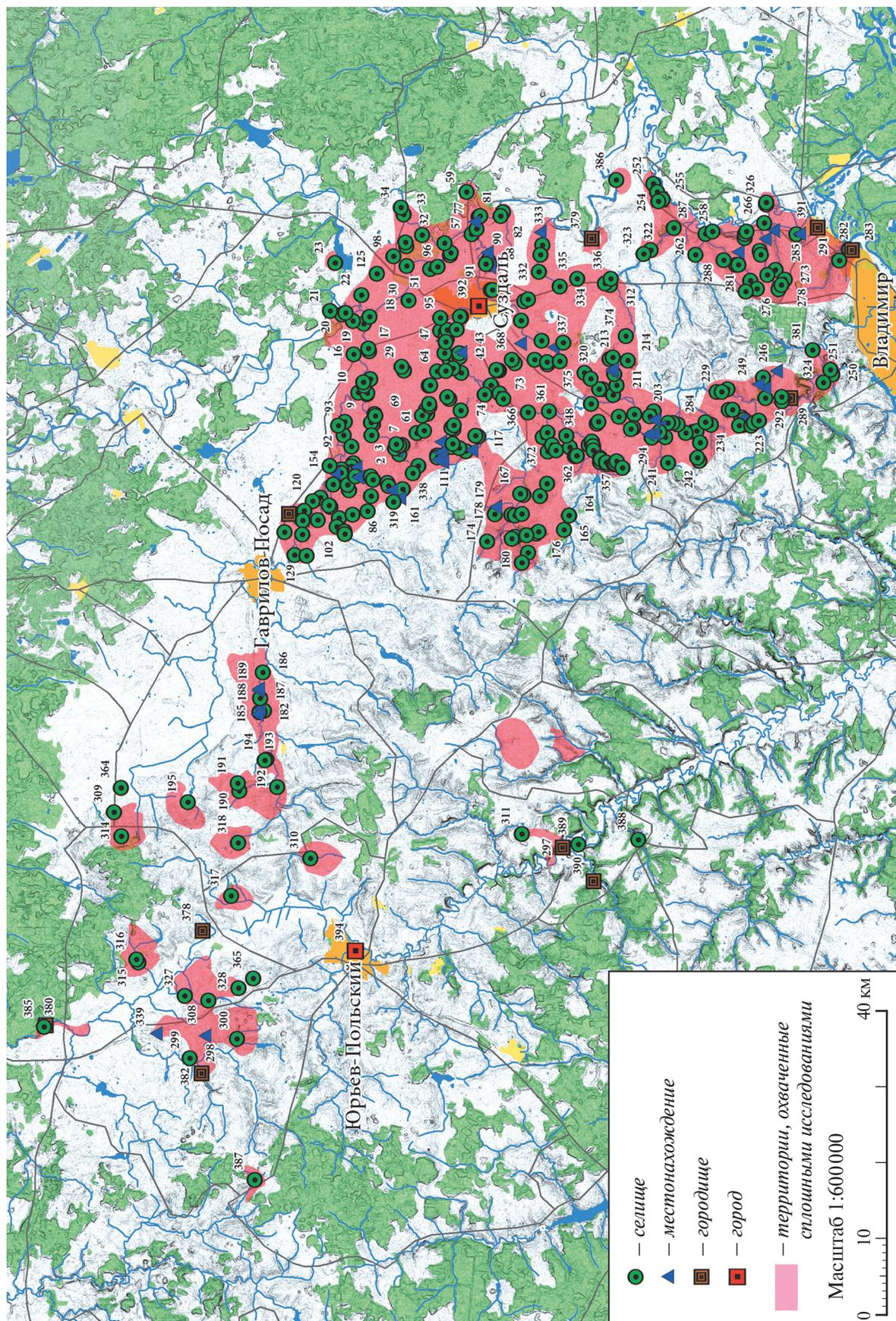

Рис. 4. Поселения I тыс. н.э. — первой половины II тыс. н.э. и территории, охваченные археологическими обследованиями 2001–2019 гг. в Суздальском Ополье. Нумерация памятников соответствует приложению I

*Рис. 5. Полевые работы на селищах Суздальского Ополя.
Селище Суворотское 8. Сбор подъемного материала на распаханной поверхности*

вещей, обеспечивающих достоверное определение времени жизни на поселениях. Разведки были изначально нацелены на получение материалов для создания полных археологических карт обследованных территорий с возможностью разделения всего массива суздальских древностей на отдельные хронологические пласты и реконструкции сети расселения на отдельных хронологических срезах. Хотя пешие разведки с обследованием полных площадей земельных участков, ориентированные преимущественно на выявление средневековых памятников, — обычная форма полевых исследований в лесной полосе, работы в Суздальском Ополе имеют определенную специфику. Как уже отмечалось, информационный потенциал первичных данных, полученных путем осмотра поверхности памятника и сбора подъемного материала, здесь существенно выше, чем на многих других территориях центра Европейской России. Опыт первых лет работ показал необходимость подробного обследования современных сел, на территории которых почти всегда находятся крупные средневековые селища. Столь же продуктивным оказалось

обследование выходящих к водоразделам овражных систем, находящихся за пределами современных поселений, где, как оказалось, локализуется значительное количество средневековых селищ. На поселениях, площадь которых составляет несколько гектаров, сбор подъемного материала производился не суммарно, а по отдельным участкам, что дало возможность судить о планиграфическом распределении керамики различных хронологических периодов. В условиях, когда значительное количество средневековых вещей залегает на поверхности, а культурный слой поселений сильно распахан, шурфовка оказалась малоэффективной. Она использовалась преимущественно на тех участках, где можно было предполагать значительную аккумуляцию культурных остатков, прежде всего, на территории современных сел. Точные пространственные координаты всех объектов, выявленных разведками, и находки изначально фиксировались при помощи системы глобального позиционирования (GPS). Данные о всех обследованных памятниках и вещевых находках из сборов интегрировались в единую базу данных.

Первоначальная территория, охваченная обследованиями, включала ближайшую округу Суздаля, ее северный сектор в радиусе до 8–10 км от города, территории по обоим берегам Нерли и ее притоков Каменки и Ирмеса, а также участок в верхнем течении Ирмеса и его правого притока р. Урды в районе сел Шекшово и Большое Давыдовское общей площадью около 160 кв. км (Макаров, Шполянский, Леонтьев, 2004). Задача определения общего контура территории с плотным размещением средневековых поселений и характера средневекового расселения на различных участках Ополя со временем потребовала возможно более широкого пространственного охвата территории и организации разведок на участках, составляющих северный и юго-восточный край опольских земель. В 2006–2013 гг. разведки были перенесены в южную часть Ополя, на земли Владимирского княжества, исходя из задач прояснения характера средневекового расселения в округе Владимира (Макаров, 2012; Макаров, Федорина, Шполянский, 2013). Выдержать принцип сплошного обследования территории на всем этом пространстве, от устья Нерли на юге до верховьев Селекши, не удалось, более последовательно придерживаться этого подхода удалось при обследовании «центральной», тяготеющей к Суздалю, части Ополя. В юрьевской (северной) его части обследования проводились на отдельных участках, которые не удалось соединить в единое пространство. Территория, охваченная обследованиями 2001–2019 гг., показана на карте (рис. 4). Отметим, что отступаясь от стратегии широких сплошных разведок на краях Ополя, экспедиция во всех случаях была ориентирована на обследование не отдельных точек, перспективных для выявления памятников, а обширных участков, достаточных для документирования сети расселения на локальном уровне.

Очевидно, что традиционные приемы сбора данных о средневековых селищах в новом столетии потребовали дополнения новыми аналитическими методами, расширяющими возможности неструктурного подхода. Селища Суздальского Ополя, вместе с поселениями Самбийского полуострова в Калининградской области и памятниками Куликова поля, стали в России одним из первых полигонов для использования геомагнитной разведки для выявления границ и внутренней структуры средневековых сельских поселений. Эти работы проводились в 2006–2011 гг. в рамках гранта фонда DFG «Suzdal und Mohovoe/Wiskiauten Prospektion und Erforschung frühmittelalterlicher Siedlungskammern im Kaliningrader Gebiet und in Westrußland» силами геофизиков из Кильского университета под руководством доктора Х. Штумпеля. Магнитная съемка была выполнена на 15 поселений на общей площади около 90 га (рис. 6) с установкой на возможно более широкий охват геофизическими измерениями всей

территории памятников. На картах геофизической съемки территории селищ открылись как пространства с многочисленными магнитными аномалиями, перспективными для археологической интерпретации в качестве отдельных усадеб, построек, остатков печей, хозяйственных объектов (Федорина, Красникова, Меснянкина, 2008, с. 23–36; Журбин, Федорина, 2017). Использование бурения для выявления стратиграфии объектов, диагностированных геомагнитной разведкой, и радиоуглеродное датирование образцов из скважин бурения, заимствованные из практики немецкой полевой археологии (Карнап-Борнхайм, Хильберг, Кальмринг, Шульце, 2010), позволили надежно определить характер многих объектов и установить их возраст без закладки шурфов и раскопов. Геомагнитная разведка оказалась эффективным способом определения границ распространения культурного слоя и оценки надежности условных контуров поселений, выявленных обычными археологическими методами. Привлечение геофизики открыло новые возможности изучения пространственных структур и хронологии объектов на больших площадях, которые не могут быть охвачены раскопками.

Радиоуглеродное датирование оказалось полезным инструментом проверки и корректировки датировок селищ, основанных на вещевых и керамических хроноиндикаторах, и определения хронологических позиций тех памятников и археологических комплексов, возраст которых не может быть точно определен по находкам из сборов. Особая актуальность его для Ополя обусловлена специфическим характером его культурного ландшафта. Стратифицированные памятники с культурными напластованиями I – первой половины II тысячелетия н. э., которые возможно было бы расчленить на узкие хронологические горизонты, здесь редки, а основная масса датирующих вещевых материалов и керамики происходит не из закрытых комплексов, а из распаханных культурных напластований. По образцам из 15-ти поселенческих памятников Ополя получено около 100 радиоуглеродных дат (Макаров, Федорина, Зайцева, Гроотс, 2011; приложение 2). Датирование примерно половины образцов было произведено в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН, датирование остальных – в лаборатории радиоуглеродного датирования Кильского университета (Германия) и в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США) с пробоподготовкой в лаборатории радиоуглеродного датирования Института географии РАН, с применением метода ускорительной масс-спектрометрии (AMS-датирование). В общей серии дат датировки, полученные по образцам из аномалий, диагностированных геомагнитными разведками и исследованных бурением или шурфовой, и по образцам из раскопов на селищах,

*Рис. 6. Полевые работы на селищах Суздальского Ополя.
Селище Карельская Слободка 5. Геофизическая съемка поверхности памятника*

преимущественно из заполнения материковых ям, составляют примерно равные группы. Суздальское Ополе — единственная область Руси, в которой динамика сельского расселения реконструирована с широким использованием радиоуглеродного датирования.

Начиная обследования суздальских селищ, мы не могли предполагать, что одним из результатов этой работы станет формирование огромной коллекции средневековых артефактов, собранной на распаханной поверхности памятников. К сбору средневековых предметов с использованием металлодетекторов подталкивал как сам характер памятников с культурным слоем на пахотных полях, так и грабительская активность. К сожалению, к моменту начала наших работ многие памятники Ополя уже были «пробиты» копателями и лишились значительной части находок из цветного металла, важных для датирования и характеристики культуры. В первые годы полевых работ мы воздерживались от широкого применения металлодетекторов для поиска средневековых пред-

метов, полагая, что они должны остаться в распаханном культурном слое до времени будущих раскопок, однако практика показала, что такие расчеты нереалистичны. За девятнадцать лет разведок на селищах удалось собрать более 13 000 средневековых предметов, характеризующих самые разнообразные стороны хозяйственной деятельности, быта и культуры — от пахотных орудий до крестов-энколпионов и актов печатей. По своим размерам и полноте присутствия различных категорий украшений и бытовых вещей это собрание превосходит коллекции, полученные в 2000–2010-х гг. при раскопках в главных городских центрах Северо-Восточной Руси — Ростове, Суздале и Владимире. Формирование этой коллекции неожиданно открыло для нас Суздальскую землю как территорию, выделяющуюся исключительным богатством материальной культуры, и сделало изучение отдельных категорий средневековых предметов и вещевых комплексов отдельных памятников важнейшим направлением суздальского проекта.

*Рис. 7. Ландшафт Суздальского Ополья. Шекшовский археологический комплекс.
Условные обозначения: А – могильник Шекшиво 9 (X–XII вв.); Б – селище Шекшиво 2 (X–XIV вв.);
В – селище Большое Давыдовское 2 (X–XIII вв.); Г – селище Большое Давыдовское 6 (XII–XIV вв.);
Д – селище Большое Давыдовское 6а (XII – 1 половина XIII в.)*

При изучении древнего и средневекового расселения перед исследователями встает вопрос о выборе разведочных обследований с ограниченным объемом раскопок или широких раскопок поселений как двух альтернативных подходов к решению научных задач. В Суздальском Ополье в условиях ограниченности средств и времени, а также присутствия в зоне прямой видимости огромного количества средневековых поселений, остающихся необследованными и недокументированными, мы сделали выбор в пользу неструктивных методов. Тем не менее с 2004 г. почти ежегодно они дополнялись раскопками на селищах. На десяти поселени-

ях раскопками вскрыта площадь около 3600 кв. м. На большинстве селищ площадь раскопок не превышала 200 кв. м, наибольший пространственный охват территории памятника (раскоп площадью 730 кв. м, наблюдения на площади 2800 кв. м) оказался возможен в зоне строительства дороги на селище Кибол 5. Хотя значительная часть культурных напластований оказалась задетой или перемешанной распашкой, а вещевые коллекции из раскопок по количеству артефактов (всего около 5700 предметов) уступают коллекциям из сборов, раскопки дали ключевой материал для понимания характера поселений как археологических памятников (Шполян-

*Рис. 8. Ландшафт Суздальского Ополя.
Раскопки селища Кистыш 3. 2005 г.*

ский, 2007; Макаров, Захаров, Шполянский, 2010; Шполянский, 2011; Федорина, Красникова, 2012). Установлено, что на всех селищах под пахотным слоем сохранились неразрушенные средневековые объекты: развалы печей и ямы, заполненные бытовым мусором, подполья наземных построек, канавки от частоколов, ограждавших усадьбы. Открытые в раскопах остатки жилищ и усадебных комплексов позволяют восстановить общий облик застройки и пространственной организации поселений.

Особый характер ландшафта и особые качества почвенного покрова Ополя традиционно рассматриваются как один из основных факторов, пред-

определивших формирование в Волго-Клязьменском междуречье крупного центра древнерусского расселения. Вопрос о времени и обстоятельствах формирования безлесного ландшафта в зоне смешанных лесов и о роли антропогенного фактора в этом процессе является одним из центральных при изучении средневекового расселения в Ополе (рис. 7, 8). Существовали ли открытые безлесные ландшафты между Клязьмой и Плещеевым озером, притягательные для земледельческого населения, до начала славянской колонизации или эта область стала Ополем в результате интенсивного сельскохозяйственного освоения в XI–XII вв.?

Как велики были открытые пространства в различные периоды Средневековья? Точки зрения различных исследователей по этим вопросам существенно различаются. Прояснить ситуацию стало возможно путем реконструкции природной среды на основании палеоэкологических материалов, собранных на селищах и прилегающих к ним участках, в том числе путем исследования изменения растительности по спорово-пыльцевым материалам и анализа зерновых материалов, происходящих из стратифицированных культурных отложений на селищах. Для воссоздания общей картины трансформации ландшафтов и растительности в I тысячелетии до н.э. — первой половине II тысячелетия н.э. потребовалось изучение палинологическими методами 12 естественных разрезов и разрезов культурного слоя на средневековых поселениях в различных микрорегионах Ополя (Алешинская, Кочанова, Макаров, Спиридонова, Карпухин, 2008). Макроостатки культурных растений и сорняков из культурного слоя средневековых поселений перевели в конкретную плоскость обсуждение вопросов о сельскохозяйственных культурах, служивших основой жизнеобеспечения и благосостояния, об особенностях земледельческого освоения Ополя и диете его обитателей.

Поиски остатков знаменитых курганных могильников, исследованных раскопками А.С.Уварова в Суздальском уезде, с 1960-х гг. находились в повестке новых полевых работ (Глазов, 1969, с. 75). Некоторые из них были признаны утраченными (АКР, Владимирская обл., 1995, с. 308–317), другие повторно выявлены и включены во Владимирский выпуск АКР (АКР, Владимирская обл., 1995, с. 258, 268, 269, 271, 272, 274, 278, 294, 295). Обращение к составленному А.С.Уваровым альбому «Суздаль. Планы и карты. 1851–1852» (ГИМ 65397, ГО-3662), остававшемуся вне поля зрения археологов до начала 2000-х гг., открыло возможность для более точного определения местоположения могильников (Карпухин, 2007). Однако разведки 2000-х гг. показали, что в большинстве этих точек следы курганов полностью утрачены, а некоторые объекты, поставленные на учет в 1980–90-е гг. как остатки некрополей, исследованных в 1851–1852 гг., не являются погребальными памятниками. Выявление достоверных остатков курганных групп, известных А.С.Уварову, в видоизмененных ландшафтах оказалось гораздо более сложной задачей, чем первоначально можно было предполагать. За все время работ новой Суздальской экспедицией документировано около десятка могильников с сохранившимися курганными насыпями или основаниями курганных площадок, полностью сnivelированными распашкой (Красникова, 2007; Карпухин, 2007; Макаров, Красникова, Карпухин, 2009; Макаров, Красникова, Ерохин, 2021). На площадках 16 селищ или рядом с ними, на распаханной поверхности и в раскопах,

зафиксированы ранее неизвестные в Суздальском Ополе грунтовые могильники — разрушенные распашкой или сохранившиеся нетронутыми погребения. Часть из них относится к позднему Средневековью, но, по крайней мере, три — к домонгольскому времени (Макаров, Красникова, Карпухин, 2009; Федорина, Красникова, 2021). Выявление в 2011 г. в выположенном распашкой ландшафте могильника Шекшово 9 — крупнейшего некрополя, исследованного А.С.Уваровым, стало началом семилетних раскопок, продемонстрировавших продуктивность повторных полевых работ на подобных памятниках (рис. 10) (Макаров, Красникова, Зайцева, 2013). Изучение значительной части могильника сплошной площадью по-новому раскрыло характер погребальных памятников X–XI вв. в центре Северо-Восточной Руси, с многообразием погребальных обрядов и сложной пространственной организацией. Раскопки в Шекшове стали крупнейшим проектом по изучению погребальных памятников Северо-Восточной Руси, реализованным в новом столетии.

Полевые исследования новой Суздальской экспедиции были начаты спустя четыре года после выхода из печати монографии М.В.Седовой «Суздаль в X–XV вв.» (Седова, 1997), обобщившей итоги археологических исследований стольного города. Суздаль в этот момент справедливо считался одним из наиболее полно исследованных крупных городских центров Руси. Мы не ставили своей задачей специальное изучение города, однако спасательные раскопки, проводившиеся на различных участках городской территории, каждый год приносили новые материалы, дополнявшие и корректировавшие археологическую картину, представленную М.В.Седовой. Всего за 30 лет, прошедших со времени завершения полевых работ экспедиции М.В.Седовой (1991–2021 гг.), раскопки в Суздале производились по 141 адресу, а общая их площадь составила более 7000 кв. м и почти вдвое превысила площадь раскопок 1934–1990 гг. Большая часть спасательных работ новейшего времени производилась за пределами кремля, на территории Окольного города или за его валами, на участках, ранее не затронутых полевыми работами, но, как оказалось, во многих случаях сохранивших средневековый культурный слой. Значительная часть этих раскопок была выполнена Институтом археологии РАН, в том числе сотрудниками новой Суздальской экспедиции. Систематизация и издание новых материалов — задача отдельного проекта. Тем не менее предварительный обзор материалов полевых работ, проведенных в Суздале в новейшее время, не претендующий на полноту, но отражающий современный охват города раскопками, совершенно необходим для реконструкции общей исторической картины развития Суздальской земли и прояснения взаимосвязи сети сельских поселений и города.

Рис. 9. Суздальское оплечье. Клад из серебряных медальонов и бус, найденный в 1851 г. А. С. Уваровым при раскопках курганов у с. Исады на р. Нерли

Рис. 10. Могильник Шекшово 9.
Исследование грунтовых погребений X–XII вв. 2013 г.

Картина становления и развития «малой» Суздальской земли в конце I – первой половине II тысячелетия складывается сегодня из отдельных составляющих, различающихся по объему и характеру новых данных. Эти составляющие тесно взаимосвязаны. История расселения и сельскохозяйственного освоения земель между Клязьмой, Нерлюю и Колокшей не может быть реконструирована без палеоэкологических материалов, отражающих трансформации ландшафта и состояние природных ресурсов на различных хронологических срезах. Взаимоотношения Суздаля-города и Суздаля-земли, выступающих в источниках под одним именем, раскрываются при параллельном изучении археологических материалов города и сельских поселений. Вещевая коллекция с суздальских селищ, сбор которой был начат для решения конкретной задачи датирования памятников, стала ключевым источником для исследования культурного облика и социального устройства центра Северо-Восточной Руси в различные периоды ее истории. Новые материалы о погребальных памятниках Суздальской земли в равной мере важ-

ны для понимания особенностей культуры Северо-Восточной Руси, социальной природы связанных с могильниками поселений и формирования властных отношений в X–XI вв. Культурная идентичность Суздальской земли XII–XIII вв. раскрывается через обращение к различным категориям объектов, одни из которых традиционно рассматриваются в качестве ее главных символов (белокаменные храмы), а другие до последнего времени оставались малоизвестными (христианская металлопластика). Соединяя различные блоки археологических данных и результаты естественно-научных исследований, мы получаем возможность критически оценить сложившиеся в историографии построения о формировании на Северо-Востоке нового очага древнерусского расселения и нового политического центра, заменяя умозрительные реконструкции конкретной прорисовкой отдельных звеньев этого процесса.

Настоящее издание задумано как очерки по археологии Суздальской земли, освещающие различные аспекты ее культурной истории с опорой на новые материалы. Хотя отдельные главы издания

Рис. 11. Раскопки селища Весь 5
с культурными напластованиями IX–XIII вв. 2004 г.

посвящены конкретным группам археологических и палеоэкологических данных, отдельным категориям артефактов, некоторые — отдельным памятникам и находкам, авторы не ставят перед собой задачи полной публикации материалов, а по возможности стремятся к обобщенной и лаконичной его подаче. Мы исходим из того, что путь к пониманию общего характера и своеобразия исторических процессов, происходивших в землях Северо-Восточной Руси, лежит через расширение базы археологических источников и постановку новых вопросов исторического содержания при их систематизации и анализе. Хотя отдельные блоки археологических материалов неизбежно задают собственную историко-культурную тематику, мы стремились не слишком отклоняться от общей задачи — создания целостной картины развития Суздальской земли, осмысления взаимосвязи между историей расселения, историей суздальской идентичности и политическим подъемом Северо-Восточной Руси в XI–XIII вв.

Основой книги являются археологические данные, полученные в результате полевых работ

2001–2019 гг., материалы двух последних полевых сезонов окончательно не систематизированы и не включены в издание. Книга не претендует на полный охват всех категорий археологических материалов и всех сторон истории и культуры центра Северо-Восточной Руси, за рамками ее остались такие важные области, как производство, ремесло, в значительной степени — городская культура и этнические отношения и многое другое. Мы ограничиваемся самым кратким обращением к актовым материалам и писцовым книгам для прояснения владельческой принадлежности отдельных средневековых поселений, откладывая на будущее возможное изучение территориального устройства и землевладения с привлечением письменных источников. Часть материалов и историко-археологических построений, изложенных в книге, ранее публиковалась в периодических изданиях. Полевые и аналитические работы по изучению древностей Ополя в разные годы поддерживались грантами РФФИ и РГНФ, или выполнялись как плановые исследования Института археологии РАН.

Н. А. Макаров

ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ИДЕИ

Археологическое изучение Суздаля и Суздальской земли следовало в общем русле развития средневековой археологии в России и во многом прокладывало это русло. С одной стороны, это история поиска, выявления и раскопок средневековых памятников, накопления и систематизации материалов, полевых работ и документирования древностей. С другой стороны, это история обращения к археологическим древностям для ответа на ключевые вопросы средневековой истории, поиски материалов, которые могли бы прояснить существенные черты древнерусского

Рис. 12. А. С. Уваров.
Фото А. Бергнер, 1853–1863 гг.

общества и культуры. С Суздальской землей связаны первые опыты целенаправленного поиска «важных русских древностей» (Материалы для биографии..., 1910, с. 24) в середине XIX в., реализовавшиеся как проект грандиозных курганных раскопок, и неожиданная повестка специального изучения археологических следов феодальных отношений, «замков» и «княжеских резиденций», предложенная в 1930-х гг. и на долгие годы ставшая обоснованием раскопок средневековых городов, оборонительных сооружений и остатков белокаменных храмов.

Первый выпуск АКР, представляющий памятники Владимирской области, подготовленный А. Е. Леонтьевым (АКР, Владимирская обл., 1995), характеризует уровень научных знаний об ее археологических ресурсах в этот период и содержит обширный историографический раздел, излагающий историю полевых археологических работ в Суздальской земле. В книге М. В. Седовой (1997) рассмотрена история археологических раскопок в Суздале и его ближайшей округе, приведены подробные данные о работах на отдельных участках и памятниках, их задачах, объемах и основных результатах. Эти издания как бы подводят итог археологических исследований Суздальской земли в конце XX в. и обозначают тот рубеж, с которого был начат новый цикл исследований. Полнота историографических разделов в этих книгах делает избыточным повторный обзор истории полевых работ XIX–XX вв.

Однако общий взгляд на археологическое наследие Суздальской земли определяется не только состоянием источниковой базы, но и содержанием и проблематикой исследований, выполненных на этой основе, идейными установками и научными интересами их авторов. Современное видение средневековой историко-культурной ситуации в Суздальской земле сформировалось под влиянием трех больших циклов полевых изысканий, выполненных в разное время неординарными исследователями, выбравшими для своего изучения разные составляющие суздальских древностей. Личности этих исследователей оказали немаловажное влияние на укорененные сегодня представления о средневековой Суздальской земле и ее месте в русской истории.

Полевые работы А. С. Уварова (рис. 12) на памятниках Северо-Восточной Руси, предпринятые в 1851–1854 гг., известны как один из самых масштабных археологических проектов, выполненных в дореволюционной России. Выступив инициатором поиска и изучения национальных древностей,

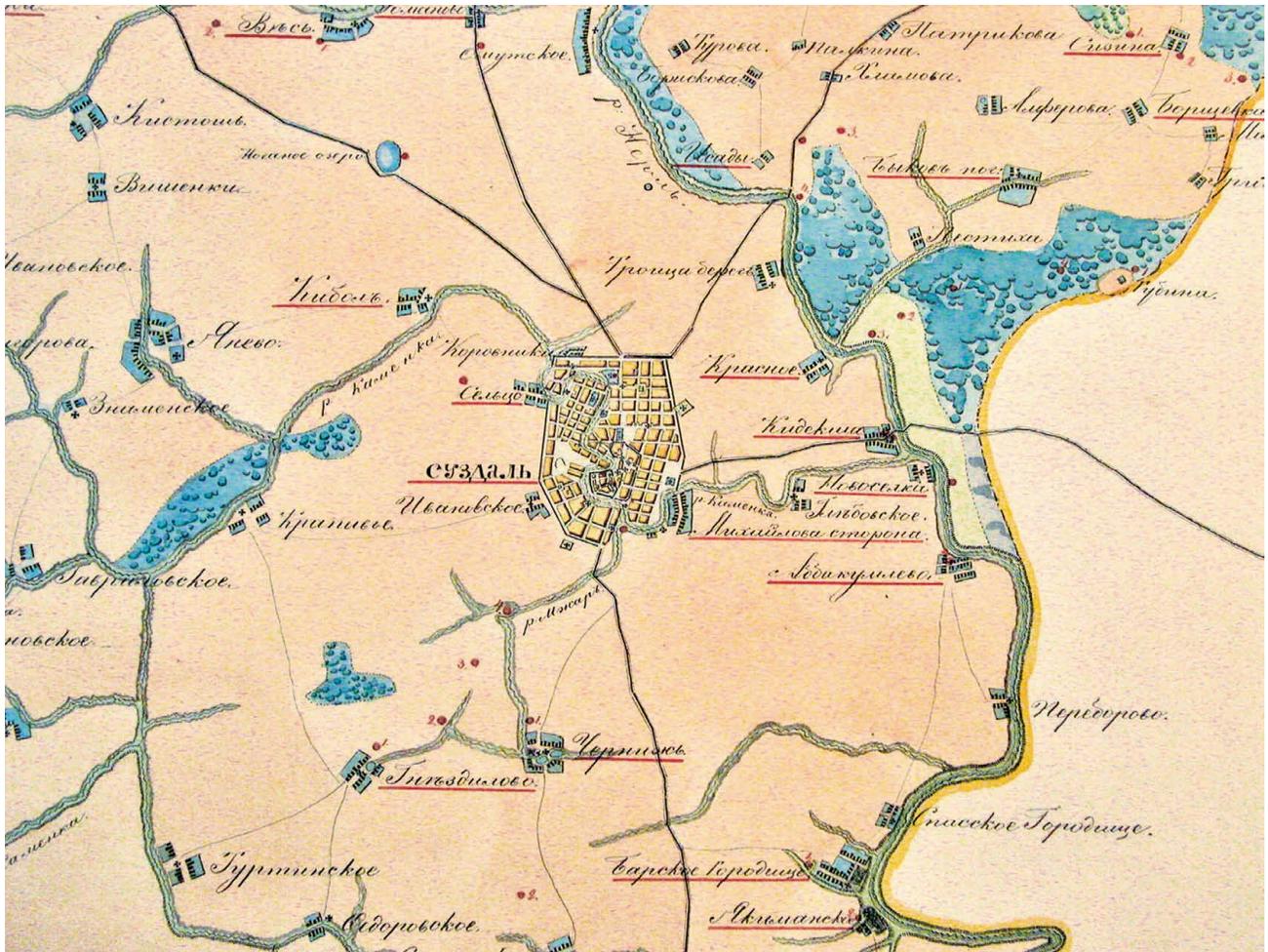

Рис. 13. Фрагмент «Плана Суздальского и Юрьевского уездов с обозначением местностей, в которых производились археологические розыскания в 1851 и 1852 годах» (ГИМ 65397, ГО-3662, «Суздаль. Планы и карты. 1851–1852»).
Места раскопок отмечены на плане красными точками, названия сел, около которых велись раскопки, подчеркнуты красной чертой

А. С. Уваров предложил избрать для этих поисков «Суздаль и его окрестности» как «место, еще нетронутое, но вместе с тем прославленное в нашей отечественной истории» (Материалы для биографии..., 1910, с. 24) и получил высочайшее одобрение и значительную финансовую поддержку. За четыре сезона на территории Владимирской и Ярославской губернии было раскопано около 8000 курганных насыпей: 7729 курганов (Уваров, 1872, с. 2), по другим подсчетам 7757 курганов в 163-х местностях (Спицын, 1905, с. 87) (рис. 13). История этих раскопок известна большинству специалистов благодаря публикации части архивных материалов – официальной переписки, докладов и рапортов, составленных в течение первых двух лет работ (Материалы для биографии..., 1910, с. 23–76), и статье А. А. Спицына «Владимирские курганы» (Спицын, 1905, с. 84–172), в которой коротко изложены основные

сведения о ходе работ, их организации и полученных материалах, взятые преимущественно из пространной монографии А. С. Уварова (Уваров, 1872) и служебной переписки. Раскопки 1851–1854 гг. впервые раскрыли для археологии характер средневековых курганных могильников в центре Европейской России как погребальных памятников и заложили основу для изучения материальной культуры домонгольской Руси по наборам артефактов из погребальных комплексов. Тем не менее оценка их значения в разные периоды менялась.

После издания «Мерян» (рис. 14) – книги, в которой были опубликованы и осмыслены материалы полевых исследований (это случилось в 1872 г.), раскопки владимирских курганов в течение некоторого времени воспринимались как образцовый археологический проект, в котором археологические данные выступают основой для характеристики

Рис. 14. Издание «Меряне и их бытъ по курганнымъ раскопкамъ» (1872 г.). Титульный лист

«быта» (культуры) одного из летописных племен (Самоквасов, 1878, с. 204). Однако в начале XX в. этот взгляд был оспорен А. А. Спицыным, пересмотревшим основной вывод А. С. Уварова о «мерянской принадлежности» раскопанных курганов и указавшим на методическое несовершенство полевых работ, которые, как полагал А. А. Спицын, не сопровождались составлением достаточно подробной полевой документации и коллекционных описей, что привело в конечном счете к депаспортизации коллекции. Один из главных упреков А. А. Спицына — избыточность раскопок, неправомерность тотального исследования на снос огромного массива древних памятников, лишаящего археологическую науку возможности повторного обращения к «владимирским курганам» (Спицын, 1905, с. 89–90).

Эта точка зрения была принята А. В. Арциховским, заметно усилившим критические оценки («дилетантские» и «антинаучные» раскопки) (Ар-

циховский, 1955, с. 8), а вслед за ним — и большинством советских археологов. Реабилитация А. С. Уварова как ответственного и квалифицированного исследователя «владимирских курганов» произошла лишь в 1980-е гг., когда петербургские и московские археологи (Е. А. Рябинин, М. В. Седова, В. А. Лапшин, А. Е. Леонтьев, К. И. Комаров) вновь обратились к публикациям и полевой документации Уварова и обнаружили, что они содержат большой объем разнообразных данных, которые могут быть использованы археологами, но выпали из поля зрения исследователей Северо-Восточной Руси почти на столетие (Рябинин, 1979; Леонтьев, Рябинин, 1980; Лапшин, 1981; Лапшин, 1985; Лапшин, Мухина, 1988; Сабурова, Седова, 1984; Седова, 1997, с. 35–38, 146–147; Комаров, 1995). Особенно важна статья В. А. Лапшина, специально посвященная полевой методике и документации А. С. Уварова. Благодаря этой работе можно считать доказанным, что А. С. Уваров и его сотрудники вели дневники на месте раскопок (впоследствии они перебеливались, в черновых вариантах сохранились вставки, которые делались позже, после расчистки вещей), в дневниках приводятся по курганное описание 7622 комплексов (из 7757 раскопанных), сведения о размерах насыпей, обряде погребения, положении погребального инвентаря (рис. 15). Уровень фиксации в полной мере соответствовал, таким образом, стандартам своего времени (Лапшин, 1990). Следует добавить, что в дневниках А. С. Уварова содержатся сведения о приобретении металлических сит, через которые на раскопках просеивалась земля (Переписка..., А-1851–1856). Знакомство с графическими материалами, сопровождавшими полевую документацию 1851 г., которая хранилась в отделе картографии ГИМ и долгое время оставалась вне поля зрения археологов, показывает, что А. С. Уваров самым внимательным образом фиксировал топографическое положение памятников (рис. 16).

Современное обращение к «Суздальскому проекту» А. С. Уварова не стоит сводить к обсуждению методического уровня полевых работ и информационного потенциала полевой документации, составленной в середине XIX в. Этот проект интересен в контексте концептуальных установок славяно-русской археологии в момент ее становления. Заслуживают внимания исторические идеи, которые послужили обоснованием проекта, их проекции на конкретные археологические памятники и их трансформации в процессе соприкосновения с археологическими древностями Ростово-Суздальской земли. А. С. Уваров шел от теории к практике, от общих научных представлений о средневековой Руси и ее культуре к поиску ее материальных следов. На этом пути он был одним из первопроходцев.

№	Время ко- нур вона	Время ко- нур вона	Что найдено.
			<p>сущие и найдены следующие монеты, слова и отрубосты старого дерева. Рубовые окованы при их изъятии кошма.</p> <p style="text-align: center;">М. Макаров</p> <p style="text-align: center;">14 Июня</p> <p>№ 1. Работы начаты в 5 часов работами было 78 человек.</p> <p><u>На этот раз в разведке Кубова</u> <u>не обнаружено на берегу реки Мухи</u> <u>разрешения</u></p>
1.	22 ари.	1 ари.	Отсюда <u>никогда не найдено</u> у него у левой руки выше локтя найдены монеты, у бона и вала и в нем же пред- ка и у левой ноги монеты.
2.	20 ари.	1 ари.	Отсюда в таком же положении при этом ничего не найдено.
3.	23 ари.	1 1/4 ари.	Отсюда при этом ничего не найдено.
4.	24 ари.	1 1/2 ари.	Отсюда у него в левом ухе найдено серебряное кольцо, у него же в правой ушной ушной и у левой ноги внизу монеты.
5.	24 ари.	1 1/4 ари.	Отсюда у него в ушах найдены <u>два серебряные украшения</u> оке тремя лоскутками украше- ниями и у него в левой ноге монеты.
6.	27 ари.	1 1/2 ари.	Отсюда у него в ушах найдены <u>два серебряные украшения</u> серьги на нем стеклянные

Рис. 15. Страница из дневников раскопок 1851 г. (ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 210. Л. 57)

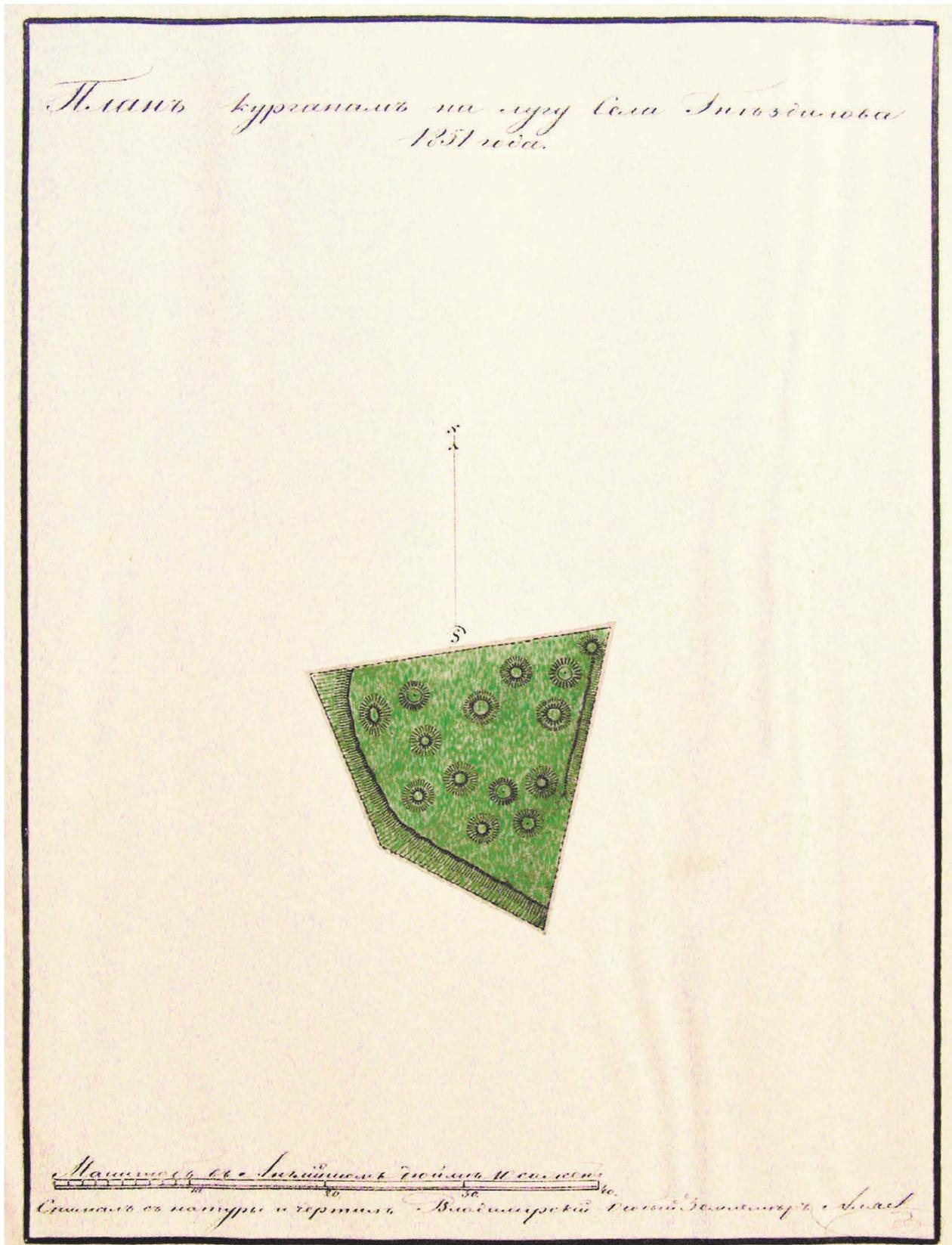

Рис. 16. «План курганам на лугу села Гнездилова 1851 года»
(ГИМ 65397, ГО-3662, «Суздаль. Планы и карты. 1851–1852»)

Парадоксально, но уваровская программа исследования древностей Суздальской земли первоначально не предполагала раскопок курганных могильников. Курганы ни разу не упоминаются в докладах, обосновывавших необходимость раскопок в Суздале и его окрестностях, которые А. С. Уваров адресовал министру внутренних дел Л. А. Перовскому, и в записках Л. А. Перовского, подававшихся на высочайшее имя. «Все богатства сосредотачивались в древние времена в монастырях, следовательно, необходимо было бы производить работы в особенности близ монастырей, около монастырских оград и даже в самих церквах, где часто под плитами пола встречаются склепы, совершенно забытые или доселе неизвестные. Вероятно, откроется также много древностей в городских валах и укреплениях вокруг кремля в Суздале, в Юрьеве-Польском и вокруг знаменитых монастырей Кидекшанского и Боголюбовского» (Материалы для биографии..., 1910, с. 24; Дело по всеподданнейшему докладу..., А-1851, л. 2 об. — 3). А. С. Уваров начал полевые работы с раскопок на местах предполагаемых княжеских дворов в Суздале, в кремле, вблизи церкви Афанасия и Кирилла и в Кидекше, которая, по его словам, занимает «первое место по древности своей и важности преданий» (рапорт А. С. Уварова Л. А. Перовскому от 14 июля 1851 г., см.: Материалы для биографии..., 1910, с. 48). Однако исследование культурного слоя в этих пунктах не дало ярких результатов. В Суздальском кремле, где раскопки велись с 31 мая по 26 июня 1851 г., «от древнего же княжеского жилища сохранились только обгорелые бревна, разрытые на глубине 4-х аршин». В Кидекше раскопки были начаты 2 июля. Здесь, как пишет А. С. Уваров в рапорте от 14 июля, «открытие финифтиевых крестов, древних плит с надписями, монет и оружия дало мне надежду на жатву обильную и замечательную для археологии». Однако после месяца работ, которые продолжались с перерывами до 2 августа, Уваров обнаружил здесь лишь клад монет Михаила Федоровича и архитектурные детали («обломки колонн и баляс древнейшего византийского стиля»), которые он связал с постройкой Юрия Долгорукого. Таким образом, после двух месяцев раскопок, на которые была выделена внушительная по тем временам сумма — 2500 рублей, были получены весьма скромные результаты. Они ни в коей мере не соответствовали заявленному в записке императору «богатым открытиям», картине Суздальской земли как области, «прославленной в нашей отечественной истории», нарисованной в первом докладе А. С. Уварова Л. А. Перовскому (Материалы для биографии..., 1910, с. 24–25).

Поэтому еще 16 июля, когда работы в Кидекше не были завершены, А. С. Уваров начал пробные раскопки курганов в окрестностях Суздаля: снача-

ла — у с. Михайловского (Михали) при впадении р. Мжары в р. Каменку, затем, 23 июля, — на левом берегу р. Нерли напротив с. Новоселка, наконец, 3 августа, — напротив с. Красного на левом берегу Нерли. Во всех случаях раскопками оказались затронуты курганы с ингумациями XI–XII вв., сопровождавшиеся скромным инвентарем или вовсе не содержавшие находок. Так, в дневниковой записи от 14 августа, документирующей результаты раскопок «Исадских курганов», читаем: «Разрыто 19 курганов и кроме сгнивших костей ничего не найдено, только с одного черепа снят кусочек ... позумента». Однако 20-й курган, раскопанный в тот же день, дал сенсационные находки: в нем было обнаружено ставшее впоследствии знаменитым «Суздальское оплечье» — клад серебряных медальонов (рис. 9), как записано в дневнике, «серебряные вызолоченные вещи» (Дневник археологических исследований..., А-1851, л. 48 об. — 49). Эти предметы не имели связи с погребениями, очевидно, клад был зарыт в насыпи более раннего кургана, скорее всего — во время Батыева нашествия. Тем не менее можно полагать, что именно эта неожиданная находка подпитала интерес к курганам и заставила А. С. Уварова продолжить их исследование. По словам А. А. Спицына, «эта находка совершенно изменила первоначальный план раскопок и направила их на исследование курганов, которые вначале совсем не были приняты в расчет» (Спицын, 1905, с. 85). В конце августа — начале сентября 1851 г. объектами раскопок оказываются, наконец, более ранние погребальные памятники, курганы X–XI вв. у с. Гнездилово и Черниж, содержавшие, помимо ингумаций, погребения по обряду кремации и значительно более многочисленный и разнообразный погребальный инвентарь. С этого момента программа курганных раскопок стала давать яркие и в значительной степени прогнозируемые результаты.

Спустя два с половиной месяца после раскопок первых курганных насыпей в рапорте А. С. Уварова от 4 октября она впервые получила теоретическое обоснование. «Местности, прославившиеся в древние исторические времена, всегда покрыты многочисленными курганами. То же самое встречается в окрестностях Суздаля. Раскапывая эти могилы, мы можем ясно и наглядно исследовать историю древнейшего населения этого княжества. Сравнивая между собою все находимые памятники и изучая подробно всякую открытую вещь, можно дойти до точного почти определения времени, в которое насыпаны были эти курганы и каким именно народом» (Материалы для биографии..., 1910, с. 49). За оставшееся время в конце лета и осенью 1851 г. (работы завершились 29 сентября) было раскопано 730 курганов в 22 пунктах, что зафиксировано в последнем рапорте от 28 октября.

Комментируя впоследствии эти записи, А. А. Спицын отметил, что первоначальный план работ, составившийся «с великими надеждами, но совершенно ошупью», был в конце концов совершенно изменен на месте (Спицын, 1905, с. 85).

Для пионеров средневековой археологии курганы оказались более притягательными объектами, чем культурный слой поселений не только потому, что некоторые погребения содержали яркие вещевые находки, неповрежденные украшения и бытовые вещи. Сам характер этих памятников делал их более простыми и понятными для интерпретации, чем культурный слой поселений и остатки средневековых построек. А. С. Уваров, используя письменные источники (очевидно, сочинение ключаря суздальского Рождественского собора Анании Федорова, см.: Федоров Анания, 2012), правильно локализовал местоположения княжеских дворов, но он не сумел идентифицировать средневековые постройки в культурном слое, «расшифровать» стратиграфию культурных отложений, датировать постройки и сооружения по найденным в них керамике и вещам. Культурный слой и поселенческие комплексы оказались по своей структуре более сложными объектами, чем древние могилы. Поэтому поворот А. С. Уварова в сторону изучения курганов был в определенном смысле оправдан самим состоянием научных знаний и методов полевой археологии. Этот поворот обозначил исследование древнерусских могильников как особое направление археологии, доминировавшее вплоть до начала 1930-х гг.

Не менее интересен другой поворот в подходах к изучению суздальских древностей — поворот в осмыслении этнической принадлежности основной массы археологических памятников Суздальской земли, или, выражаясь языком археологов, той эпохи «народности» этих памятников. Первоначальной целью раскопок в Суздале и его окрестностях было «открытие важных русских древностей», при этом новгородская почва признавалась «ненадежной» для подобных поисков, как испытывавшая влияние «чужестранных купцов», содержащая «чужестранные произведения» (Доклад А. С. Уварова Л. А. Перовскому от 3 марта 1851 г., см.: Материалы для биографии..., 1910, с. 24). Суздальская земля привлекала его прежде всего возможностью прояснить облик средневековой русской культуры в ее чистом виде. Однако уже в конце первого года раскопок в бумагах А. С. Уварова появляется «мерянская тема». Первое упоминание о мере мы находим в рапорте от 4 октября 1851 г.: «Из слов Нестора мы узнаем, что первыми обитателями земли Суздальской были два народа: на севере Меря, на юге — Мурома. <...> К курганам, насыщенным мерянами, можно отнести могилы, лежащие близ села Гнездилова». В кургане на полях деревни Иса-

ды, где было найдено суздальское оплечье, «вероятно, похоронен был какой-нибудь мерянский князь, получивший эти бармы от Греческого императора в знак оказанных им услуг» (Материалы для биографии..., 1910, с. 49). А. С. Уваров укрепляется в правоте мерянской атрибуции суздальских древностей в течение второго года раскопок. В рапорте от 30 августа 1852 г. читаем: «Розыскания древностей в курганах Суздальского уезда довели до полного убеждения, что большая часть из них насыпаны были первыми жителями тех стран, мерянами» (Материалы для биографии..., 1910, с. 51). Мерянская принадлежность «владимирских курганов» получила окончательное обоснование в итоговой публикации по материалам раскопок 1851—1854 гг., подготовленной к изданию для первого археологического съезда спустя многие годы после завершения работ.

Исходным моментом для мерянской атрибуции «владимирских курганов» для А. С. Уварова, как следует из его сочинения, послужили летописные известия о расселении ее на озерах Неро и Плещеево и топонимические материалы, а также некоторые наблюдения относительно погребального обряда и вещевых находок из курганов. Ход мысли ученого, столь однозначно настаивавшего на мерянской принадлежности средневековых некрополей, часть которых находилась в непосредственной близости от крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси XI—XII вв., до конца неясен. Возможно, простота и бедность культуры «владимирских курганов» не соответствовали ожидаемому архетипу древнерусской культуры «прославленной» Суздальской земли. А. А. Спицын убедительно показал, что мерянская атрибуция могильников недостаточно обоснована: погребальный обряд «владимирских курганов» — труположения с западной ориентировкой со скудным инвентарем — классический древнерусский обряд, основная часть украшений принадлежит к типам, получившим массовое распространение у восточных славян. А. А. Спицын, однако, был не вполне прав, считая «финский элемент» в этих курганах незначительным. В курганных группах X—XI вв. в изобилии представлены украшения поволжско-финских типов, которые могли быть распространенными, в том числе и в мерянской среде. Для характеристики идейных установок русской археологии середины XIX в. важно, что А. С. Уваров, получивший средства на поиски самобытных русских древностей, ставивший перед собой задачу выявления их облика, изменил свою научную программу и свое видение средневековой Суздальской земли, столкнувшись с памятниками, которые, на его взгляд, имели иной культурный облик.

Значение «Суздальского проекта» А. С. Уварова противоречиво. Можно согласиться со Спицыным, что раскопки 1851—1854 гг., «очистившие» влади-

Рис. 17. Н. Н. Воронин в ИИМК. Вторая половина 1930-х гг.

мирскую землю от курганов, создали серьезные препятствия для прояснения целого ряда проблем культурной истории Северо-Восточной Руси. Однако память о раскопках середины XIX в. в течение более полутора столетий служит в археологии источником дополнительного интереса к суздальским древностям. Коллекции, собранные в 1851–1854 гг., и полевая документация раскопок, несмотря на депортизацию большей части предметов и лаконичность дневниковых записей, остаются востребованными и информативными источниками для изучения различных аспектов древнерусской культуры и расселения. А. С. Уваров сформировал устойчивое представление о Суздальской земле как об исторической области, насыщенной курганами, и о курганах как об археологических памятниках, ключевых для характеристики этнокультурного облика отдельных древнерусских земель. Он открыл для археологии мерянскую тему, пуская и начав ее изучение с публикации материалов, атрибуция которых как «мерянских» в большинстве случаев неправомерна. Наконец, подход А. С. Уварова к из-

учению суздальских древностей как к раскопкам большой серии памятников с широким территориальным охватом, без исключительной концентрации внимания на отдельных наиболее ярких объектах, способствовал прояснению общей картины средневекового расселения и культурных традиций на значительном пространстве. При этом тема особого характера суздальских древностей, связанных с «богачейшими владельцами России» (Материалы для биографии..., 1910, с. 24) и особой ролью владимирских князей в общерусской истории, в публикации 1872 г. отошла на задний план.

Новый этап изучения Суздальской земли, развернувшийся спустя 80 лет после завершения уваровских изысканий и связанный с именем Н. Н. Воронина (рис. 17), проходил в совершенно иной исторической обстановке и по внешним своим формам не имел ничего общего с «имперским» проектом 1851–1854 гг. Начиная эти работы в 1934 г., Н. Н. Воронин был крайне стеснен в средствах и был вынужден ограничиваться постановкой шурфов вблизи знаменитых белокаменных соборов.

Общее можно видеть лишь в том, что возобновление полевых работ на памятниках Владимира и Суздаля и в этот раз начиналось с создания их концептуальной платформы — признания особого места Владимиро-Суздальской земли в истории восточноевропейского Средневековья.

Советская археология 1930-х гг. поставила на повестку изучение общественного строя средневековой Руси по материальным памятникам. Едва ли не главным аргументом для организации раскопок в знаковых исторических центрах Руси — в Новгороде, Боголюбове, Суздале, Ярославском Поволжье — были перспективы исследования становления феодальных отношений, перехода от родового строя к феодальной формации, реконструкция социальной организации и социальных противоречий в древнерусском обществе в возможно более полном формате. Молодые ученые, пришедшие в науку в конце 1920-х гг., были искренне убеждены, что археологические материалы по своей природе чрезвычайно информативны для таких реконструкций. Общее историческое видение феодализма в его «марксистской» версии во многом определяло подходы к социальной интерпретации археологических материалов в ситуации, когда многие области материальной культуры Руси и категории археологических памятников (в том числе поселения) по сути дела оставались еще малознакомыми археологической науке. Именно в это десятилетие формируются многие общие элементы археологической картины общественного строя средневековой Руси, оказавшиеся необычайно устойчивыми и концептуально значимыми. Среди них — представление о древнерусских городах как о единственных центрах формирования новых общественных отношений, противостоящих «земле», о ремесле как о главном экономическом базисе городов, о городищах — укрепленных феодальных замках, как о главной форме боярского поселения.

Археологическое изучение Северо-Восточной Руси в полной мере испытало на себе воздействие этих идей и увлечений. В программной статье «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях», опубликованной в 1934 г., А. В. Арциховский обозначил в качестве одной из реальных археологических задач «выяснение и отыскивание древнерусских феодальных замков, то есть укрепленных усадеб, типичных вообще для раннего феодализма. Между деревянными и каменными укреплениями разница только в том, что деревянные укрепления историкам изучать труднее, потому что дерево сгнило и остаток его найти трудно. Но валы стоят в неприкосновенности» (Арциховский, 1934, с. 49–50). Н. Н. Воронин, инициатор возобновления археологических раскопок на памятниках Северо-Восточной Руси в 1934 г., первоначально сформу-

лировал цель этих работ как изучение феодальных замков в Боголюбове и Кидекше. В докладной записке Н. Н. Воронина, обосновывающей необходимость раскопок, мы читаем: «Среди исторических проблем раннего феодализма в Восточной Европе немаловажное место занимает проблема княжеского города-замка. <...> В их ряду первое место принадлежит Боголюбому-городу <...>, опорному центру княжеской борьбы со старым боярством городов Суздаля и Ростова» (Воронин, А-1934, л. 14). Историко-социологическая интерпретация городищ как княжеских замков и боярских усадеб, главных центров становления феодальной формации, появились по сути дела еще до того, как были начаты их раскопки.

Н. Н. Воронин вошел в историю науки прежде всего как исследователь древнерусской архитектуры, автор фундаментального двухтомника «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.» (рис. 18). Его основные научные интересы, безусловно, лежали в сфере средневекового зодчества и архитектурной археологии. С раскрытием утраченных частей сохранившихся храмов и остатков утраченных построек белокаменное строительство Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. проявилось как более объемный и значимый культурный феномен. В то же время Н. Н. Воронин — основоположник археологического изучения городов Ростово-Суздальской земли и создатель концепции княжеских городов как основных центров поступательного исторического движения в Северо-Восточной Руси.

Приступив к изучению памятников белокаменного зодчества XII–XIII вв., ученый исходил из того, что феномен их появления не может быть раскрыт без археологических материалов, характеризующих городские центры Северо-Восточной Руси и особенности урбанизации этой территории. Начатые в 1934 и продолжавшиеся с перерывом до начала 1960-х гг. раскопки и разведочные шурфовки затронули почти все каменные постройки XII–XIII вв. во Владимире, Суздале, Боголюбове, Ростове, Переславле и Юрьеве-Польском, но при этом они не были ограничены выявлением и документированием архитектурных остатков. Эти работы позволили получить первые данные о культурном слое и исторической топографии основных городских центров центральной части Северо-Восточной Руси (Владимира, Суздаля, Боголюбова, Ростова, Переславля), выявить в некоторых городах участки с ранним культурным слоем (X в., Ростов, Суздаль, Боголюбове), датировать оборонительные сооружения. Н. Н. Воронин и сотрудники Среднерусской экспедиции, к участию в которой в различные годы были привлечены В. В. Седов, П. А. Раппопорт, А. Л. Монгайт и Е. И. Горюнова, Г. К. Вагнер, В. Л. Янин, несмотря на скромный в большинстве городов объем работ, достаточно точно определили

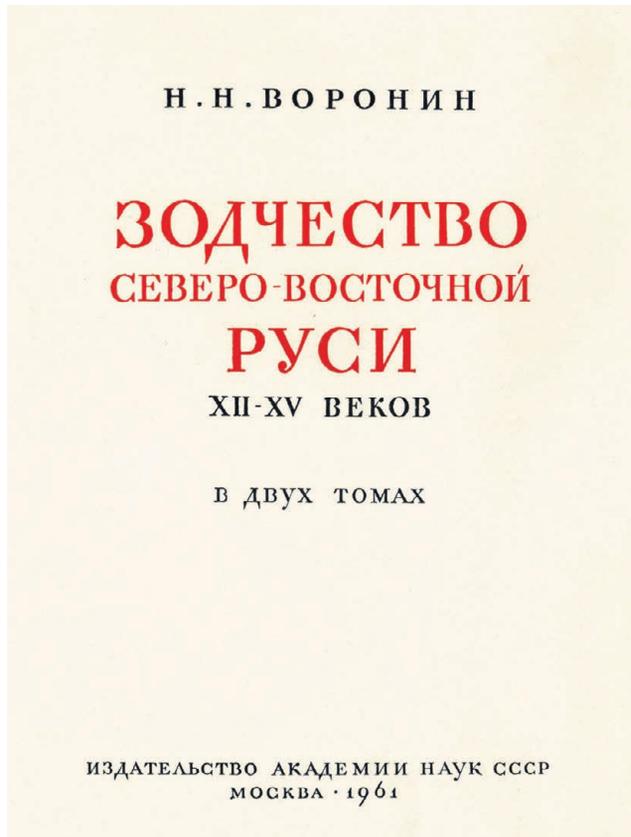

Рис. 18. Издание «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков» в двух томах (1961–1962 гг.).
Титульный лист

Рис. 19. Раскопки Н. Н. Воронина в Суздальском кремле. Прорезка северного вала. (Отчет о работе Суздальского отряда Среднерусской экспедиции 1958 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1869. Рис. 41)

хронологию культурных напластований и общую динамику развития и пространственные параметры важнейших городских центров. Картина бурного развития городов Ростово-Суздальской земли в XII – начале XIII в. была первоначально создана на материалах Среднерусской экспедиции.

В Суздале раскопками Н. Н. Воронина и его сотрудников были выявлены остатки первого «мономахова» собора, открыты и датированы древнейшие напластования с лепной керамикой в кремле, прорезаны и датированы земляные укрепления (рис. 19). В Боголюбове помимо изучения дворцового комплекса Андрея Боголюбского с каменными укреплениями, собором, киворием и мощением двора получены данные о культурном слое княжеской резиденции и «мерянского» поселения конца I тысячелетия н. э., на месте которого был возведен замок. Во Владимире на основании археологических данных, в том числе разрезов земляных укреплений, реконструирована историческая топография города XII–XIII вв., трехчастная структура городской территории, развивавшаяся от Печерного (Мономахова) города на восток и на запад, выяв-

лен участок с культурным слоем раннего железного века – I тысячелетия н. э. в его юго-западной части (Воронин, 1959; Воронин, 1961).

Археологические древности городов Владимиро-Суздальской земли, открытые Среднерусской экспедицией, в отличие от остатков белокаменных построек, остались малозамеченными в общей панораме новых материалов, полученных советской археологией в 1950–1960-х гг. По своему качеству «археологического источника» сухие культурные напластования Суздаля и Владимира не выдерживали конкуренции со стратифицированными влажными отложениями Новгорода и других городов, сохраняющими усадьбы, уличные мостовые и берестяные грамоты. Очевидно, осознавая это обстоятельство, Н. Н. Воронин не ставил перед экспедицией задачи вскрытия больших площадей, ограничивался точечными раскопками, необходимыми для прояснения общего археологического контекста и датировки поселений. Тем не менее разделы, посвященные общему состоянию Ростово-Суздальской земли на различных этапах ее развития, характеристике основных городов,

Рис. 20. М. В. Седова.
Около 1980 г.

в которых осуществлялось каменное строительство, составляют существенную часть его книги о белокаменном зодчестве Северо-Восточной Руси.

В основе воронинского видения своеобразия социальной истории Северо-Восточной Руси, во многом воспринятого от историографии конца XIX — начала XX в., — представление о Северо-Востоке как о периферии Руси X—XI вв. с заметным финским субстратом и архаичным общественным укладом. Отталкиваясь от этих оценок, он, как и другие историки и археологи марксистской формации, полагал, что сила пережитков и эгалитарных начал в Волго-Окском регионе определила острую реакцию на процессы социальной дифференциации и выделение «местной знати». Проявлением этой реакции стали «восстания волхвов» 1024 и 1071 гг. «Размер движения показывает, насколько сильно было сопротивление старого уклада и удельный вес последнего (Воронин, 1941, с. 150). Согласно Н. Н. Воронину, опорой княжеской власти на Северо-Востоке в XII в. были го-

рода, а прочность княжеской власти обеспечивалась поддержкой городского населения. Главный социально-политический конфликт второй половины XII в. — конфликт князя и старого боярства, оплотом которого были старые города Ростов и Суздаль, конфликт новых — княжеских — и старых городов. Стремясь ограничить влияние боярства, владимирские князья формируют слой «дворян», или слуг, мелкой знати, на основе земельных пожалований. Основные тезисы этой концепции так или иначе присутствуют в большинстве исторических и историко-археологических сочинений, посвященных Северо-Восточной Руси второй половины XX в. Северо-Восточная Русь Н. Н. Воронина — Русь городов, строителями и покровителями которых выступает княжеская власть, земля, на которой реализуется идея политической самостоятельности, а к исходу XII в. — «создания в конечном счете общерусского феодального объединения» (Воронин, 1961, с. 494). Архитектурная программа ее правителей призвана передать «чувства силы и торжества Владимирской земли» (Воронин, 1961, с. 493). Н. Н. Воронину были хорошо знакомы материалы уваровских раскопок, характеризующие «негородскую» составляющую расселения и культуры Северо-Восточной Руси, но они не нашли применения в этой концепции.

1960—1970-е гг. принесли Суздалию новую известность как городу, сохранившему национальный исторический колорит, притягательному месту исторических воспоминаний, востребованному в туристической индустрии. Для советской археологии эти десятилетия были временем масштабных исследований средневековых городов, направленных уже не столько на прояснение их социально-экономической природы, сколько на изучение конкретной истории и культурного своеобразия основных городских центров Руси. Успехи средневековой археологии подталкивали к новому обращению к Суздалию и городам Северо-Восточной Руси с опорой на опыт и знания, полученные в результате новгородских раскопок 1950—1970-х гг., вопреки уваровским замечаниям о «ненадежности новгородской почвы для открытия важных Русских древностей». Инициатором и руководителем нового цикла исследований, проводившихся в 1974—1991 гг. в Суздале и его округе, стала М. В. Седова (рис. 20), ученица А. В. Арциховского, воспитанница Новгородской экспедиции, ранее руководившая раскопками одного из периферийных малых городов Владимиро-Суздальской земли — Ярополча Залесского.

Широкие многолетние раскопки Суздальской экспедиции ИА РАН и Владимиро-Суздальского музея-заповедника, в отличие от предыдущих проектов, не предварялись подготовкой программной записки, но проводились по продуман-

Рис. 21. Раскопки М. В. Седовой в Суздале.
(Отчет о раскопках в г. Суздале в 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5760. Рис. 1)

манному плану так, чтобы получить материалы для создания целостной картины истории средневекового города. Раскопками были охвачены различные части Суздаля (участки жилой застройки и оборонительные сооружения в кремле и Окольном городе (рис. 21), территории монастырей, некрополь на Михайловской стороне) и ряд археологических памятников в его окрестностях (в том числе Кидекша, селище Гнездилово, могильник и селище Новоселка). Основные итоги исследований были подведены в монографии «Суздаль в X–XV веках» (М., 1997). Суздаль оказался одним из немногих больших городов средневековой Руси, археология которого была представлена к концу XX в. в систематическом виде со всеми ее составляющими в одной книге.

При этом «Суздаль» М. В. Седовой соединяет в себе публикацию археологических материалов и жанр историко-археологического исследования. Следуя установкам комплексного источниковедения, М. В. Седова вместе с археологическими ма-

териалами тщательно проанализировала летописные известия о Суздале, топографические планы города XVIII в., местные исторические сочинения XVIII в., упоминания о Суздале в древнескандинавских источниках, сфрагистические материалы, связанные с Суздалем памятники прикладного искусства XII–XIII вв. Будучи ведущим экспертом в области средневековых украшений и изделий из цветного металла и создателем каталога новгородских ювелирных украшений, М. В. Седова с успехом использовала потенциал этих категорий суздальских находок: они сыграли важную роль в определении хронологии культурных отложений, уточнении социальной принадлежности и культурной специфики отдельных комплексов, выявлении внешних связей Суздаля. Публикация ярких элитных комплексов конца XI в. из Суздальского кремля, открытых раскопками 1978–1979 гг., в том числе клада золотых украшений, ввела в науку уникальные археологические свидетельства военно-политического конфликта 1096–1097 гг.,

обозначившего выход Суздаля на общедревнерусскую историческую сцену. В монографии убедительно реконструирована картина пространственного развития города в XI–XIII вв. с выходом застройки за пределы кремля в излучине р. Каменки в XII в., формированием жилых кварталов и укреплений Окольного города (середина XII в.), длительным функционированием двух курганных могильников в его ближайших окрестностях (XI – начало XII в.). Книга М. В. Седовой убедительно продемонстрировала, что домонгольское наследие центра Северо-Восточной Руси не ограничивается белокаменными храмами, что «сухой» курганный слой городов Волго-Клязьменского междуречья – полноценный исторический источник, заслуживающий сохранения и изучения.

Начало Суздаля, согласно М. В. Седовой, было положено становлением небольшого (1,5 га) укрепленного поселения на мысу р. Каменки в первой половине X в. Расширение поселения на всю территорию излучины Каменки (14 га) связывается с событиями 1024 г., когда Ярослав «установил» Суздальскую землю после «восстания волхвов», сооружение укреплений по всему периметру кремля в начале XII в. рассматривается как инициатива Владимира Мономаха. Строительство укреплений Окольного города, как полагает исследовательница, относится ко времени княжения Юрия Долгорукого, когда Суздаль стал стольным городом. Основные этапы развития города, выявленные по археологическим данным, таким образом, в полной мере увязаны с событиями, известными или реконструированными по летописным сообщениям. Пытаясь прояснить социальный облик и исторический контекст суздальских древностей, М. В. Седова интерпретировала открытые в кремле усадьбы конца XI в. с кладом золотых браслетов как усадьбу княжеских дружинников варяга Шимона и связала с городской верхушкой ряд погребений с зернеными украшениями и остатками золотых шелковых тканей в курганном некрополе на Михайловской стороне. Характер Суздаля как города старого боярства, по мнению М. В. Седовой, подтверждается составом находок на усадьбах в кремле и в Окольном городе, однако в целом исследовательница была осторожна в социальных характеристиках археологических материалов.

М. В. Седова предложила рассматривать суздальские села как базис для формирования «суздальской волости» и обратила внимание на некоторые особенности их материальной культуры, указывающие на высокое социальное положение части их обитателей. По ее мнению, оружие, дорожные ювелирные украшения и предметы роскоши, найденные на селищах и в курганных могильниках в радиусе 10–15 км от Суздаля, свидетельствуют о связи поселений с княжеско-боярской средой.

Исследовательница связала эти памятники с летописными «селами», которые уже в конце XI в. служили местом размещения дружинников и передавались монастырям. Она впервые отметила преемственность поселений X–XII вв. с принадлежавшими им курганными группами и крупных суздальских сел XIV–XV вв., большинство из которых к XV в. перешло в монастырские владения (Седова, 1997, с. 232–234; Седова, 2001, с. 23–33). В работах М. В. Седовой история «сельского ядра» Суздальской земли X–XIII вв. впервые обозначена как крупная научная проблема, требующая специального изучения методами археологии.

Суздаль М. В. Седовой, таким образом, – большой и процветающий средневековый город, археологический облик которого в полной мере соответствует его статусу одного из главных центров Северо-Восточной Руси, функции которого после 1157 г. перешли к Владимиру-на-Клязьме. Однако, перечитывая сегодня книгу М. В. Седовой, нетрудно заметить, что археологические материалы из раскопок Суздаля по своему качеству и характеру существенно скромнее, чем древности Киева, Чернигова, Новгорода, Пскова, Старой Рязани и даже Владимира. Сама площадь укрепленной территории, указанная в монографии (49 га), существенно уступает размерам большинства областных центров XII–XIII вв. В Суздальском некрополе не представлены камерные погребения и курганы с кремациями, сопровождающиеся престижным инвентарем, известные в Киеве, Чернигове и Пскове. Среди находок на городских усадьбах кремля и посада дорожные престижные предметы составляют немногочисленную группу, находки печатей единичны. В Суздале, который, как и многие другие города, был разорен Батыем, нет кладов украшений, которые можно было бы связать с событиями 1238 г. Одна из немногих находок, отражающих присутствие в городе элиты высокого ранга, – уже упоминавшийся клад золотых браслетов конца XI в., обнаруженный на усадьбе вблизи ворот кремля.

Создается впечатление, что М. В. Седова создала некоторый недостаток свидетельств особой исторической роли Суздаля в археологических материалах, полученных при раскопках в пределах городских валов. Поэтому короткое заключение ее книги о Суздале в значительной степени посвящено городской волости, археологическим памятникам Суздальской округи, сельским поселениям как местам сосредоточения социальных верхов (Седова, 1997, с. 232–234). Исследовательница как бы подводила читателя к мысли, что только обращение к памятникам Суздальской земли раскроет специфику социально-экономического устройства Северо-Восточной Руси и причины ее стремительного подъема в XII в.

РАССЕЛЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Суздальское Ополье.
Раскопки селища и могильника
Михали 3

Summary

VOLUME 1

SETTLEMENT STRUCTURE AND CULTURAL LANDSCAPE

INTRODUCTION

20 Years of Archaeological Researches in the Suzdal' Opol'e

The “Suzdal' country” (*Suzdal'skaia zemlia*) or “Suzdal' ” is the name used in the 12th and 13th centuries as a general reference to the lands of the North-East Rus' ruled by the descendants of Iurii Vladimirovich Dolgorukii. First appeared in the mid-12th century (1148 AD), this name was in use for century and a half, when the town of Vladimir became the main princely power centre in the north-east of the Rus'. This word-usage reflects the significance of Suzdal' as the centre of power relations and the place of formation of specific regional identity uniting the north-eastern countries. Obviously, along with the Suzdal' country in its broad sense, in the Middle Ages there was a narrow administrative and territorial unit, or a *volost'* (district), gravitating to Suzdal', which lead this town to the stage of all-Rus' history and was under its direct government. One may assume that the core of the “minor” Suzdal' country was the area between the Kliaz'ma, Nerl', and Koloksha, the Suzdal' Opol'e with its fertile soils.

This book presents the main results of archaeological researches in the Suzdal' Opol'e, in the territory of the “minor” Suzdal' country, conducted in 2001–2019 by the expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences and the State Historical Museum. The main idea of these works was to study the historical core of the North-East Rus' as an archaeological territory, which, as we expected, was to preserve the original network of the Rus' settlement structure and the archetype of the culture of the Suzdal' country. Started in 2001, the field works were aimed at the study of mediaeval settlement structure by fullest possible identification of unfortified settlements in the Suzdal' Opol'e and documenting them with non-destructive methods and modern technical means. Initially, these works were focused on complete survey of compact areas in the close environs of Suzdal', but in time they extended to a large part of the Opol'e, including the north-western areas gravitat-

ing towards Iur'ev, and the southern area of the Opol'e, the environs of Vladimir.

Throughout 19 years of surveys at unfortified settlements, more than 13,000 mediaeval artefacts characterizing all the aspects of economic activity, everyday life, and culture, from ploughing tools to reliquary crosses and hanging seals, have been collected. The size and comprehensiveness of various categories of ornaments and daily life artefacts in this collection surpasses the collections obtained in the 2000–2010s by the excavations in the main urban centres of the North-East Rus': Rostov, Suzdal', and Vladimir. The shaping of the collection in question unexpectedly revealed the Suzdal' country as a territory of exceptionally rich material culture and made the study of individual categories of mediaeval artefacts and material complexes from individual sites the most important branch of the Suzdal' project.

Today the view of the shaping and development of the “minor” Suzdal' country from the late 1st to the first half of the 2nd millennium arises from individual components, differing in volume and in the nature of new data. These components are closely interconnected. The history of settlement and agricultural development of the lands between the Kliaz'ma, Nerl', and Koloksha cannot be reconstructed not using palaeoecological materials, which reflect landscape transformations and the state of natural resources at various chronological sections. The relations between the town of Suzdal' and the Suzdal' country, appearing in written sources under the same name, come to light after a parallel study of archaeological materials of the town and rural settlements. The collection of artefacts from the unfortified settlements in the Suzdal' country, initially gathered to solve the problem of establishing the chronology of the sites, became the key source for the study of the cultural and social structure of the North-East Rus' centre at different periods of its history. New materials on the burial sites in the Suzdal' country are equally important for the understanding of the cultural features of the North-East Rus', the social nature

of the settlements connected with the cemeteries in question, and the formation of power relations in the 10th and 11th centuries. The cultural identity of the Suzdal country in the 12th and 13th centuries is revealed through the analysis of various categories of artefacts, some traditionally interpreted as the country's main symbols (white-stone churches), while others little known until recently (Christian metal ware). The combination of various blocks of archaeological data and the results of natural-science research provides an opportunity of critical evaluation of the historiographic constructs concerning the formation of a new centre of Rus' settlement structure and a new political centre in the North-East, with the replacement of speculative reconstruction with a concrete outline of individual links in the said process.

This book is planned as essays on the archaeology of the Suzdal' country highlighting various aspects of its cultural history with the emphasis on new materials. Although some chapters of the book address specific groups of archaeological and palaeoecological data, certain categories of artefacts, individual sites and finds, the authors do not set themselves the task of full publication of the materials, but rather strive for a generalized and concise presentation of them whenever possible. We assume that the way to understand general features and specificity of historical processes in the lands of the North-East Rus' is in expanding the base of archaeological sources and raising new questions of historical content in their systematization and analysis. Although individual blocks of archaeological materials inevitably set their own historical and cultural themes, we tried not to deviate too much from the general task of creating a holistic picture of the development of the Suzdal country, comprehending the relationship between the history of settlement, the history of Suzdal' identity, and the political rise of the North-East Rus' from the 11th to 13th century.

Researchers and Ideas

The archaeological research of Suzdal' and the Suzdal' country is, on the one hand, the history of searching, re-

vealing, and excavating mediaeval sites, and, on the other hand, the history of addressing archaeological antiquities to answer key questions of mediaeval history, searching for the materials capable of clarifying the essential features of the Rus' society and culture. The Suzdal' country is related to the first attempts of purposeful search for "important Rus' antiquities" in the mid-19th century; initiated by A. S. Uvarov, this project was realized as colossal excavations of barrows. An unexpected agenda of special research of archaeological traces of feudal relations, "castles," and "residences of princes," as suggested by N. N. Voronin in the 1930s, for many years became the substantiation of the excavations of mediaeval towns, defensive structures, and ruins of white-stone churches. Large-scale and years-long excavations of Suzdal' were undertaken in the 1970s and 1980s by the expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences and the Vladimir and Suzdal' Museum Preserve under the supervision of M. V. Sedova according to a circumspect plan in order to obtain the materials allowing the one to reveal a total picture of the history of this mediaeval town. Suzdal' was one of very few large towns of mediaeval Rus', which archaeology was systematically represented in a single book by the late 20th century. The modern vision of the mediaeval historic and cultural situation in the Suzdal' country shaped under the influence of three large cycles of field studies, carried out at different times by extraordinary researchers who studied different aspects of the Suzdal' antiquities: barrow cemeteries, white-stone churches and their archaeological context, and Suzdal' as an urban centre with its cultural layer, fortifications, and cemetery. The personalities of these researchers, A. S. Uvarov, N. N. Voronin, and M. V. Sedova, made an important influence on modern ideas about the mediaeval Suzdal' country and its place in Russian history. The new research of archival documents and publications related to these three cycles of fieldwork supplies arguments to clarify their "ideological foundations", methodological approaches, the scale and specific course of the excavations, and to make a critical evaluation of their academic results.

SETTLEMENT STRUCTURE AND CULTURAL LANDSCAPE

The General Features of Settlement Structure and the Settlement Dynamics

The total list of the settlements from the Iron Age and Mediaeval Period in the territory of the Vladimir — Iur'ev Opol'e comprises of 391 sites. Among them there are 14 settlements with earthen fortifications (abandoned and still active towns), 331 unfortified settlements, and 46 find-spots of mediaeval ceramics and artefacts. The total cultural layer area at these sites is 1,233.7 hectares. The major-

ity of the settlements were not fortified; they were situated on arable land and on the territory of currently existing villages and, in rare cases, on the abandoned agricultural land. 90% of these settlements are now ploughed up or partly cultivated as vegetable gardens on homestead plots, which allows the one to document the ploughed cultural layer in various states and to collect surface finds under the conditions that are optimal for prospecting. The analysis of the spatial distribution of mediaeval sites in the centre of the Suzdal' country and the dynamics of development

of this territory reveals common features in the settlement evolution, essential for understanding the nature of mediaeval colonization, the economic and demographic potential of the Suzdal' Opol'e, and the general historical situation in the central areas of the North-East Rus' in the late first and the first half of the 2nd millennium AD.

The phenomenon of the Opol'e is an exceptionally high density of the mediaeval settlement structure. On average, there is one mediaeval unfortified settlement for every 1.7 square km of the surveyed territory. The spatial distribution of settlements in the Opol'e was essentially different from the linear systems which were common in the late 1st and early 2nd century, with their configuration defined by river valleys. As early as the 1st millennium AD, the settlement system in the centre of the Suzdal' country developed with a wide coverage of small river valleys and watershed areas. From the 10th and 11th centuries on, it showed clear features of a frame-network system, with the location of some large settlements in the depth of watersheds. From the 10th to 15th centuries, the main elements of the system under analysis were large settlements and nests of the settlements located close to each other, with the distance of 1.5–3 km between them, and covering the entire Opol'e area. Practically all of them remained unfortified. From the 10th to 15th centuries, the average size of rural settlements in the Opol'e was much larger than in other areas of North-East Rus'. The use of the term *selo* ("village") to designate these settlements was first attested by the chronicle paragraph for 1096 AD, and, in a later period, was well documented by the 15th- and 16th-century charters. Evidently, many settlement features were connected with a specific character of fertile dark-coloured soils which created conditions for continuous agricultural development of the territory.

Rus' development of the Opol'e was preceded by long-term processes of colonization and settlement in the 1st millennium AD, with the first experiments of the making of long-term unfortified settlements in small river valleys and in watersheds. Large-scale Rus' colonization of the Opol'e with the formation of local centres on all its territory started in the 10th century, developed dynamically in the 11th and the first half of the 12th centuries, and reached its climax from the mid-12th to the first half of the 13th centuries. From the second half of the 13th to 15th centuries, the total number of settlements decreased by one third, mainly because of the abandonment of small settlements that had appeared in the previous period. However, the settlement development from the second half of the 13th to 15th centuries shows the continuity with the preceding period: the spatial distribution did not undergo significant changes. The general development of the rural settlement network in the Opol'e throughout the Middle Ages and the Early Modern Period is characterized by high stability and sustainability of the main spatial nodes.

The Opol'e presents a striking example of an area where the emergence of power relations and the development of a society with complex social structure was

not accompanied by the establishment of fortified settlements as high-status local centres. Although the main elements of the settlement system existing in the centre of the Suzdal' country from the late 1st millennium AD to the Modern Period were large villages, this region is one of the earliest centres of the formation of hamlets in watersheds, which from the 14th century on were called *derevnia* "village". This settlement type, defining the rural landscapes of the Moscow Rus' and the whole Central and North of the Russian Plain in the Late Middle Ages and the Early Modern Period, was not typical of rural areas in the Opol'e in the 14th and 15th centuries, but was clearly represented there among the sites from the Pre-Mongol Period. The refusal to organize such settlements in the Vladimir – Iur'ev Opole in the second half of the 14th and 15th centuries can be explained by the fact that with the fertile, dark-coloured soils of the Opol'e a more productive way was the continuous development of land massifs with organization of large villages. However, the experience of setting up hamlets turned out to be in demand in other areas of the North-East Rus'.

Historic Villages as Archaeological Sites and Structural Elements of the Mediaeval Settlement Structure

"Historic villages" (*istoricheskie sela*) usually refer to still existing rural settlements with a long history, which is, to a greater or lesser extent, documented by written sources. Although the value of historic villages as objects of archaeological study has been convincingly revealed by a number of striking examples, they are far less known to modern archaeologists than mediaeval settlements located outside the areas covered by modern buildings. Balanced survey of the territory of historic villages and abandoned villages that ceased to exist in the Middle Ages or Early Modern Period is a necessary condition for any reliable reconstruction of the history of mediaeval settlement structure, with adequate reflection of the relationship between the situations of cessation of settlement life, temporary desolation, and the continuity in development.

Traditionally, historians and archaeologists view the historic villages of the Suzdal' Opol'e as the settlements developed in the Middle Ages, which played an extraordinary role for the development of society and were the economic basis of mediaeval Rus' and the Muscovite state. The history of the most part of Suzdal' villages is known from the 15th- and 16th-century written sources. The question of the time when these villages shaped and their nature in the period before they were first mentioned in land registers can only be uncovered by archaeological materials.

In course of the 2001–2019 fieldworks, there were surveys of historic villages located in the immediate vicinity of Suzdal' and in the southern and north-eastern areas of the Opol'e. Mediaeval pottery or mediaeval cultural

layer of varying degrees of preservation were found in all 48 villages subjected to surveying. In order to create a detailed reconstruction of the shaping of historic villages, there have been made an analysis of the materials of seven settlements located in the immediate vicinity of Suzdal' (Kideksha, Kibol, Novoselki, Turtino, Vysheslavskoe, Gnezdilovo, and Glebovskoe), which were investigated by prospect holes and excavation trenches widely covering their territory. All the seven villages are located 3 to 12 km from Suzdal', in the micro-regions where the surveys revealed a rather dense network of settlements, most of which were abandoned in the second half of the 13th and 14th centuries. Today these villages kept their historic layout and, to a large extent, their building structure with traditional farmers' houses and homestead lands.

The settlements that appeared in the late 10th and 11th centuries and started the historic villages at the first stage of their existence (Kibol, Novoselki, Kideksha, and Glebovskoye) covered the area of 1.5 to 3.5 hectares. In the 12th century, their areas increased by 2–3 times. From the 12th to the first half of the 13th century there was the climax of the five villages under study (Kibol, Gnezdilovo, Vysheslavskoe, Turtino, and Novoselki); most of the locally collected finds and pottery, as well as the maximum extension of the building area, dates from the said period. Somewhat different dynamics has been documented at Kideksha and Glebovskoe, where the collections discovered more finds of ceramic ware from the second half of the 13th to 15th centuries, and the distribution area of the cultural layer from the Apanage Period slightly exceeds the distribution areas of the Pre-Mongolian pottery. The researches of almost all the sites have discovered a slight shift of settlement areas from the second half of the 13th to 15th centuries to more elevated places in relation to earlier areas. However, general location of the settlements continued to be stable.

The field researches at the historic villages in the Suzdal' Opol'e have revealed these sites as a special category of archaeological monuments, characterized by the significant size of the cultural layer distribution area, the presence of areas with stratified cultural deposits, the preservation of remains of mediaeval structures and elements of planning structure, and the high concentration of mediaeval ceramic ware and artefacts. The nature and find structure of the cultural layer of the Suzdal' historic villages in some areas resembles the deposits of "small towns" (*malye goroda*). Archaeological materials of historic villages are informative for the studies of the "long-term processes," the shaping, growth, and stagnation of rural settlement structures, and the evaluation of continuity in the development of territories and social organization. Although the works conducted on the territory of the Suzdal' villages are insufficient to reveal the total picture of the historic life of these settlements, they provide enough material to clarify these villages' place in the settlement structure and the general dynamics of their development.

The Structure of the Settlements according to Archaeology and Geophysics

The settlement structure developed in the Opol'e is based on stationary long-term settlements. This is indicated by the nature of unfortified settlements with the cultural layer saturated with numerous and various artefacts showing wide chronology. The stability of the settlement structure documented as early as the initial stages of the shaping of the Suzdal' country agrees well with the picture drawn by later written and cartographic sources accounts, where large *selo* (rural settlement, village) predominates, and *derevnia* (small rural settlement) and other types of dwelling sites are relatively rare.

What were these settlements? Is there any way to characterise their internal structure, to evaluate the stability or variability of the housing system, and to clarify the nature of the economic development of the site? Is there any way to approach the reconstruction of the spatial structure of the farming sites without large-scale excavations? The reconstruction of the internal structure is based on a selection of farming sites of various sizes with different landscape setting, distinguished by relatively well-preserved cultural layer. These sites were subjected to systematic surface collections, including total surface collection of ceramic finds with grid references, prospect trenching or excavations at reference points, and geophysical surveys covering large areas, sometimes with the subsequent verification of the results by boring of individual sites.

A comprehensive study of the Suzdal' settlements providing the analysis of the spatial distribution of archaeological artefacts and wide-scale series of ceramic ware from surface finds, the data on the cultural layer and the structures discovered by prospect holes and excavation trenches, and the materials of geophysical surveys in vast areas have revealed that the cultural layer spots identified by archaeological surveys correspond to the construction zones of mediaeval settlements, sometimes with adjacent economic periphery. The archaeological sites, including the monuments with the cultural layer disturbed by ploughing, documented by modern survey techniques, reflect the real mediaeval settlement units, such as villages and hamlets.

Years-long researches at the Opol'e settlements have uncovered that the local Rus' settlement was an integral territory with clear limits of the construction zone, an aggregate of homesteads of different status and size. In the settlement organization, there was a trend towards the concentration of farmsteads in the structure of an integral settlement prevailing over the processes of dispersion and atomization of individual homesteads: multi-homestead villages were the predominant type of settlements already at the early stages of mediaeval colonization of the region. The size of documented household varies considerably, from 400 to 1,750 square meters. The average size of a homestead is about 1,000 square meters. Taking into account the size of the discovered accumulation spots,

it is possible to define the approximate number of the 12th- and 13th-century homesteads at four sites: Ves' 5 as about 8 homesteads, Kibol 11 as 6, Kistysh 3 (northern area) as 3–4, and Tarbaevo 1 as 2–4 homesteads.

The early formation of the main settlement pattern and the stability of its basic characteristics do not mean conservatism and the absence of any changes or innovations in rural life. This way, the early settlements (9th to 11th century) are characterized by, on the one hand, high density in the arrangement of homesteads on the settlement and, on the other hand, rather free arrangement of buildings inside the homestead. The materials excavated at the local unfortified settlements reveal the high stability of farmsteads, and the early (from the 11th century on) articulation of property boundaries (stockades). Stockades more frequently occurred at the 12th- or 13th-century settlements; the boundaries of individual farms of that period are more clearly readable.

While the size of homesteads changed insignificantly in time, the organization of households, the layout system, and the nature of buildings transformed significantly. By the early 12th century, the buildings became more regular: they were grouped around the courtyard, denser to each other, with their orientation according to a single rhythm; there were more cases of stable economic purposes of individual parts of homestead.

The pattern of the overall settlement planning structure and development of the courtyard area changed throughout the 11th century. Today it is not possible to detail the stages and the speed of the said processes. It should be noted that the 11th century not only brought the changes in spatial solutions of organization of rural buildings, but also changed the tradition of the Suzdal' house-building, particularly reflected by the appearance of the houses with big and deep cellars. These gradual changes in the rural way of life, documented archaeologically as the changes in the spatial structure of settlements and the emergence of new house-building traditions, probably reflected the inflow of new population and/or the formation or development of new social and ownership relations, connections, and structures in the age of Iaroslav the Wise and his descendants.

By the mid-12th century, there appeared a trend towards isolation of individual production complexes, such as the appearance of numerous “watershed” settlements with the farmstead possibly deeper integrated into agricultural area. The more evident is the preservation of the basic principles of settlements and individual homesteads, archaeologically documented by the excavations in the villages of Kideksha, Kibol 5, Poretskoe 1, Gostevo 1, and Novoselki.

Cultural Landscape Development according to Pollen Analysis

Although historians, geographers, and soil scientists have considerable interest in the phenomenon

of the Vladimir Opol'e, there still are unsolved questions concerning the chronology of the shaping of the said area as a treeless agricultural region, this process' connection to the Rus' colonization, and particular human impact on the natural environment of the area in question in the period before the Slaves developed the North-East and in the age of the climax of the Rostov — Suzdal' country. Pollen analysis is of particular importance for the history of the shaping of the Opol'e.

The analysis of the palaeobotanical materials allowed us to trace the landscape dynamics in the territory in question, to reveal the climatic changes throughout the Late Iron Age and the most of the Middle Ages, and to determine the degree of anthropogenic impact on the region under study, primarily associated with the economic development of the areas around the settlements. The comparative analysis of pollen materials characterizing the natural environment at various chronological sections and the archaeological accounts of the Opol'e settlement in the same periods provides a reliably documented reconstruction of the genesis and development of the cultural landscape.

According to our research, the open landscape of the Suzdal' Opol'e is a secondary formation, which appeared in result of mediaeval colonisation of forested areas that were non- or sparsely populated in the second quarter and the middle of the first millennium AD. Plausibly, it was the Merya population who made the first mediaeval assarts in the area in the 7th century. From the 9th and 10th centuries on, human being became the force that changed landscapes. It was the time when the local landscape included indigenous and natural-anthropogenic groups of plant associations, which correlation changed in time and, to a greater extent, was determined by human activity. The open landscape finally shaped in the 12th century under large-scale Rus' colonization, when warming climate allowed agricultural expansion to the north, the same as in other Rus' regions.

Archaeobotanical Data on the Production and Consumption of Agricultural Products

The Suzdal' Opol'e developed the situation almost unique for the archaeology of Rus' when regular gathering of archaeobotanical materials according to a single methodology was made not only in the town, but also in rural settlements of its nearest environs. The research analysed the archaeobotanical collections from eight mediaeval sites: there were 219 samples (including 56 samples characterizing the urban layers of Suzdal') taken by flotation of cultural layer. They contained 24,000 macroremains of grains, seeds, and fruits of cereals, legumes, garden, vegetable, wild and weed plants, and also crop processing waste such as chaff and straw. Although completeness differ, these materials document a long chronological interval from the 7th–8th centuries (unfortified settlement of Kibol 7) to the 15th–18th centuries (Suzdal', unfortified settlement of Kibol 5), allowing the one

to outline the main trends in agricultural development in the Opol'e and to trace food preferences in agricultural products consumption in Suzdal'.

The researches have revealed that, throughout a long period of agricultural development of the Suzdal' Opol'e, the crops were based on a set of barley, emmer, and millet, typical for the Iron Age, to which oats were added in the Middle Ages. There are balanced, multi-component spectra of cultivated plants aimed at diversification of risks for farmers and recorded in the 7th- and 8th-century unfortified settlement of Kibol 7 and later, 9th- and 10th-century unfortified settlement of Ves' 5. The materials of the 12th- and 13th-century sites testify that, by that time, there happened drastic reorientation to rye and oats. Perhaps rye occupied a significant place in the Suzdal' crop structure already in the 11th century, as suggested by indirect data on grain clusters in the town studied by N. A. Kir'ianova. Although the early set of crops continued in the 12th and 13th centuries, the former "crop leaders" were in the shade, with their role in the structure of the crop gradually diminishing (the so-called minor crops), with rye and oats making up together from 76% to 86%. It should be emphasized that in the whole list of these "less important" crops there are specific for the Opol'e hulled wheats: emmer and spelt. Although it is not always pronounced in the 12th- and 13th-century grain materials, the remains of chaff of these cereals leave no doubt that they were cultivated and consumed on a regular basis.

Index of the layer saturation with macro-remains of cultivated plants is one of the important parameters of agricultural activity, and indirectly of the economic strategy of the population of individual settlements. The saturation indices for Kibol 5, Bol'shoe Davydovskoe 2, and Suzdal' are the most substantiated and supported by big samples. The index of saturation for the layer of Kibol 5 is high not only in the context of the Opol'e, but also for the majority of the Rus' settlements under study; therefore, one may suggest that the said settlement, the nearest to Suzdal', cultivated grain not only for internal consumption, but partly to supply the town. In the other two "large unfortified settlements" (*bol'shie poseleniia*) of Bol'shoe Davydovskoe 2 and Ves' 5, the agricultural sector of the economy most likely covered their own needs for grain.

For the town of Suzdal', the index of the saturation with macro-remains of cultivated plants could be interpreted as a characteristic of the volume of agricultural production necessary for the town's subsistence. It is the highest of all the indices for the Opol'e settlements and fits well with the indices for other urban centres of Rus'. The higher concentration of crop plants remains in the town is quite natural, as there was the accumulation of food grain and forage products not only in individual households, but also among the traders and administration. Moreover, the higher density of buildings in comparison with rural settlements made fires the most catastrophic cases, and their frequency

provides the finds of burnt grain. In rural settlements, the turnover of grain stocks within each households was more even, and the cultural layer grew not so intensively as in the towns. This is the reason why the grain burned in fires was not deposited so fast, and much of it was destroyed by natural and anthropogenic factors.

Archaeozoological Data as Markers of Economical Processes from the 11th to 14th Century

This section examines the collections of animal bone remains excavated at six settlements in the central and eastern areas of the Suzdal' country and one settlement outside of the Opol'e. Remains of five traditional domestic ungulate species and two species of carnivores have been documented at all the sites. Among the bones of wild animals, there are fourteen species of game animals and five species that were not hunted.

For each of the sites under study, there have been an analysis of distribution of different taxonomic groups in the archaeozoological collections and the calculations of ratios of remains of mammals of different "economic" categories in large samples from cultural and chronological horizons. This makes the background to obtain data on changes in the structure of samples of animal bone remains in different periods of settlements under study, to identify its dynamics, and to build productive hypotheses concerning the causes of changes.

Two types of economy in settlements have been revealed. The first type is common rural settlements with their own animal husbandry and a small share of auxiliary industries of fishing and hunting (Kibol 5, Vishenki 3, Kistysh 3, Bol'shoe Davydovskoe 2, and Shekshovo 2). From the 12th century on, in these settlements there appeared more intensive filling of cultural deposits with bones of domestic "meat" animals, which can be interpreted as a certain rise of cattle-breeding. A mutual correlation of the shares of cattle and pigs, pigs, and small ruminants in different chronological horizons of the same settlement has been observed. The second peculiarity is all-round growth of the share of small ruminants in the spectrum of domestic meat ungulates from the 12th century on. The reason of increase of the share of animals kept at home possibly was the expansion of ploughed lands and reduction of pastures necessary for keeping cattle.

Another type is the "natural resource" settlements with a considerable share of hunting and fishing; it is well documented by demonstrative archaeozoological materials (Ves' 5 and Klochkovo 2). The shares of species of game animals almost did not change over cultural and chronological horizons. This implies that in the area under study the composition of wild fauna was stable for five centuries; the hunters did not kill off particular species to a considerable extent; the specificity of particular ways of hunting was preserved.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

Алешинская Анна Сергеевна, **Кочанова** Мария Дмитриевна, **Лебедева** Елена Юрьевна,
Макаров Николай Андреевич, **Спиридонова** Елена Александровна,
Федорина Анастасия Николаевна, **Шполянский** Сергей Владимирович,
Яворская Лилия Вячеславовна

РАССЕЛЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Ответственный редактор **Макаров** Николай Андреевич

Составитель **Угулава** Нани Давидовна

Подписано в печать 31.05.23. Формат 60×90/8.

Усл. печ. л. 36. Тираж 500 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ООО «Древности Севера»

160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48

Тел. (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru URL: <http://drevnostisevera.ru>

Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
г. Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У